

НЕВИДИМАЯ УГРОЗА

РОССИЙСКИЕ
И КИТАЙСКИЕ
ЭКСПЕРТЫ О РИСКАХ
НЕПРЕДНАМЕРЕННОЙ
ЭСКАЛАЦИИ
КОНФЛИКТА

ДЖЕЙМС ЭКТОН, РЕДАКТОР

АЛЕКСЕЙ АРБАТОВ
ВЛАДИМИР ДВОРКИН
ПЕТР ТОПЫЧКАНОВ
ТУН ЧЖАО
ЛИ БИНЬ

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

НЕВИДИМАЯ УГРОЗА

РОССИЙСКИЕ
И КИТАЙСКИЕ
ЭКСПЕРТЫ О РИСКАХ
НЕПРЕДНАМЕРЕННОЙ
ЭСКАЛАЦИИ
КОНФЛИКТА

ДЖЕЙМС ЭКТОН, РЕДАКТОР
АЛЕКСЕЙ АРБАТОВ
ВЛАДИМИР ДВОРКИН
ПЕТР ТОПЫЧКАНОВ
ТУН ЧЖАО
ЛИ БИНЬ

*Перевод с английского Вячеслава Жукова.
Научный редактор русской версии Тимур Кадышев, к.ф.-м.н.*

Данное издание подготовлено Московским Центром Карнеги — представительством Фонда Карнеги за Международный Мир (США), являющегося некоммерческой неправительственной исследовательской организацией.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Данная публикация предназначена исключительно для личного использования и не подлежит воспроизведению, распространению или переработке без письменного разрешения Московского Центра Карнеги или Фонда Карнеги за Международный Мир. Запросы на перепечатку направляйте, пожалуйста, в Московский Центр Карнеги.

Россия, 125009, Москва,
Тверская ул., д. 16 стр. 1
Тел.: +7 (495) 935-89-04
Факс: +7 (495) 935-89-06
info@carnegie.ru

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта
<http://www.carnegie.ru>.

© Carnegie Endowment for International Peace, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ АВТОРАХ	v
РЕЗЮМЕ	1
ДЖЕЙМС ЭКТОН	
ПРЕДИСЛОВИЕ	11
АЛЕКСЕЙ АРБАТОВ, ВЛАДИМИР ДВОРКИН И ПЕТР ТОПЫЧКАНОВ	
ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ ОБЫЧНЫХ И ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ КАК НОВАЯ УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ: РОССИЙСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ.....	13
ТУН ЧЖАО И ЛИ БИНЬ	
НЕДООЦЕНЕННЫЕ РИСКИ ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ ЯДЕРНЫХ И ОБЫЧНЫХ ВООРУЖЕНИЙ: ТОЧКА ЗРЕНИЯ КИТАЯ.....	53
ДЖЕЙМС ЭКТОН	
ПРАКТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ С АМЕРИКАНСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.....	89
МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ	100

ОБ АВТОРАХ

ДЖЕЙМС ЭКТОН — содиректор программы «Ядерная политика» и старший научный сотрудник Фонда Карнеги за Международный Мир.

АЛЕКСЕЙ АРБАТОВ — руководитель Центра международной безопасности Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН.

ВЛАДИМИР ДВОРКИН — главный научный сотрудник Центра международной безопасности Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН.

ПЕТР ТОПЫЧКАНОВ — старший научный сотрудник Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI).

ТУН ЧЖАО — научный сотрудник Центра мировой политики Карнеги — Цинхуа.

ЛИ БИНЬ — старший научный сотрудник программы «Ядерная политика» и Азиатской программы Фонда Карнеги за Международный Мир.

РЕЗЮМЕ

Переплетение неядерных вооружений с ядерными, а также с их вспомогательными силами и средствами увеличивает риск непреднамеренной эскалации. Однако степень серьезности этого риска до сих пор обсуждали только американские специалисты. И вот теперь изучением этой проблемы занялись рабочие группы Фонда Карнеги. Перед исследователями из России и Китая были поставлены следующие вопросы: насколько велик риск эскалации, возникающий в результате переплетения ядерных и неядерных вооружений, и как взгляды авторов соотносятся с позициями стратегических сообществ их стран.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ ЯДЕРНЫХ И НЕЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ»

Переплетение ядерных и неядерных вооружений может проявляться в различных аспектах: это и средства доставки двойного назначения, которые могут оснащаться как ядерными, так и неядерными боевыми частями (БЧ); и совместное размещение ядерных и неядерных сил, включая объекты их инфраструктуры; и нацеливание неядерных средств на ядерные объекты и относящиеся к ним системы командования, управления, связи и информации (СЗИ). Кроме того, новейшие технологические разработки увеличивают степень переплетения неядерных вооружений с ядерными и с их вспомогательными силами и средствами.

РОССИЙСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ АЛЕКСЕЕМ АРБАТОВЫМ, ВЛАДИМИРОМ ДВОРКИНЫМ И ПЕТРОМ ТОПЫЧКАНОВЫМ

Переплетение неядерных и ядерных вооружений, которое обусловлено развитием технологий и военных доктрин как в России, так и в США, повышает риск того, что неядерный конфликт — даже локальный — стремительно и непреднамеренно перерастет в мировую ядерную войну. Политические и военные эксперты, в том числе российские, недооценивают эту опасность, потому что убеждены, что эскалация может быть только осознанной и преднамеренной.

РОССИЙСКАЯ ВОЕННАЯ ДОКТРИНА И ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ ОБЫЧНЫХ И ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ

Концепция «воздушно-космической войны», которая лежит в основе современной стратегии России, сформулирована довольно расплывчато. Судя по всему, российские специалисты по вопросам стратегии исходят из представления о некоем относительно продолжительном военном конфликте, в ходе которого НАТО будет наносить неядерные воздушные и ракетные удары по российским объектам. Неизбежно возникнет ситуация, при которой Россия уже не сможет полноценно отражать эти удары, и ее военное руководство, оказавшись в таком положении, может прибегнуть к ограниченному применению ядерного оружия, чтобы заставить США и их союзников пойти на попятную. Подобный конфликт с нанесением ядерных и неядерных ударов, применением оборонительных и наступательных средств, а также баллистических и аэродинамических вооружений может создать условия для переплетения неядерных и ядерных вооружений.

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ НЕЯДЕРНЫХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ВООРУЖЕНИЙ

Российское руководство обеспокоено угрозой массированного обезоруживающего удара с применением неядерных высокоточных вооружений. В ходе неядерного конфликта у России может возникнуть опасение, что США собираются нанести такой контрсиловой удар. Например, поскольку российские стратегические подводные лодки и бомбардировщики дислоцируются на тех же самых базах, где находятся корабли и самолеты многоцелевого назначения, удары по последним могли бы непреднамеренно поразить стратегические средства.

При этом эффективность гипотетической попытки США нанести обезоруживающий удар с применением крылатых ракет с неядерной БЧ (а в будущем — с использованием гиперзвуковых ракетно-планирующих средств) при поддержке средств противоракетной обороны кажется весьма спорной. Тем более что Россия уже инвестирует в те виды вооружений, которые должны будут обеспечить выживаемость ее ядерных сил.

Если взглянуть на эту проблему с более реалистичных позиций, то окажется, что у российского руководства может и не быть оснований для опасений. Однако на самом деле беспокойство Москвы может быть вызвано ее неуверенностью в том, что угроза массированного ответного ядерного удара может удержать противника от нанесения первого неядерного удара. В действительности же Москва могла бы ответить на более ранней стадии — ограниченным стратегическим ядерным ударом. Или могла бы даже нанести упреждающие выборочные ядерные удары, чтобы помешать военно-морским и военно-воздушным силам США, действия которых были восприняты как подготовка к нанесению или нанесение массированного воздушно-космического удара.

Совместное размещение ядерных сил и сил общего назначения в СССР, а теперь в России было (и остается) обусловлено экономическими и административными соображениями, а отнюдь не стратегической целью сдерживания США от нанесения неядерных ударов по российским силам общего назначения с помощью угрозы ядерной эскалации.

На данный момент возможности России нанести неядерные удары по стратегическим объектам США весьма ограничены, хотя они могут увеличиться за счет развертывания гиперзвуковых вооружений. Тем не менее выборочные удары, например по радарам, расположенным в Великобритании, Гренландии и на Аляске и предназначенным как для предупреждения о ракетном нападении, так и для обеспечения операций сил противоракетной обороны, несмотря на то что выглядят целесообразными, повышают опасность эскалации.

ПРОТИВОКОСМИЧЕСКОЕ ВООРУЖЕНИЕ И ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ ЯДЕРНЫХ И НЕЯДЕРНЫХ СРЕДСТВ

Как представляется, и у США, и у России есть значительный арсенал неспециализированных противоспутниковых вооружений и вооружений, которые потенциально могут применяться в качестве противоспутниковых. По мнению российского военного руководства, эффективность имеющихся у стран НАТО высокоточных неядер-

ных вооружений большой дальности зависит от обеспечивающих систем космического базирования, что делает их уязвимыми, и Россия даже в условиях неядерной войны не упустит возможность этим воспользоваться. Россия также обеспокоена угрозой ее собственным спутникам.

Переплетение обычного и ядерного оружия возникает здесь из-за того, что некоторые спутники, которые могли бы стать объектом нападения в неядерном конфликте, также обслуживают американские или российские стратегические ядерные системы. Их уничтожение может быть чревато немедленной эскалацией военных действий до уровня ядерной войны, особенно если учесть, что стратегические силы, вероятно, будут находиться в высшей степени боеготовности даже в случае локального вооруженного конфликта.

Целями могут оказаться спутники связи — некоторые из них играют важную роль в оперативном управлении находящимися на патрулировании ракетными подводными лодками и бомбардировщиками. Еще более опасными могут быть последствия нападения на спутники раннего предупреждения. Они, скорее всего, не станут объектами противоспутниковых операций в ходе неядерной войны, но полной уверенности в этом нет. В частности, чтобы обеспечить эффективность нанесения выборочных стратегических ядерных или неядерных ударов, пришлось бы преодолевать систему противоракетной обороны противника, для чего сначала потребовалось бы нейтрализовать спутники системы раннего предупреждения.

Потеря российских спутников системы раннего предупреждения могла бы быть воспринята как предвестник контрсилового удара и спровоцировать Москву на пуск межконтинентальных баллистических ракет. Впрочем, в рамках стандартных процедур пуск, вероятно, предполагает, что нападение подтверждено наземными РЛС дальнего обнаружения или что они уничтожены противником.

КИТАЙСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ ТУНОМ ЧЖАО И ЛИ БИНЕМ

Риски непреднамеренной эскалации вследствие переплетения ядерных и неядерных вооружений вполне реальны и становятся все серьезней. Однако в контексте китайской политической позиции они менее значимы, чем полагают многие зарубежные эксперты.

КИТАЙСКАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ ПО ВОПРОСУ ЭСКАЛАЦИИ

Непреднамеренная эскалация обычно не рассматривается в рамках китайской стратегической доктрины. Более того, Китай практически никогда не сталкивался с ситуацией ядерного кризиса, в отличие от Советского Союза и США, которые уже осознали реальность и масштаб ядерной опасности.

В последние годы Пекин уделяет больше внимания анализу и изучению рисков непреднамеренной эскалации, хотя этому процессу мешает отсутствие прозрачности внутри системы. Большинство китайских экспертов (если не все) абсолютно уверены, что Китай не будет применять ядерное оружие первым, и считают, что этот принцип является важным вкладом в предотвращение эскалации. Многие китайские эксперты считают, что военные технологии сами по себе не делают эскалацию более или менее вероятной. Напротив, они подчеркивают значение конкретных стратегий развертывания и применения вооружений. Кроме того, в среде китайских экспертов существует мнение, что особое внимание США к вопросу о рисках эскалации обусловлено стремлением помешать законным действиям Китая в области модернизации своих вооруженных сил.

МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ ВООРУЖЕНИЯ

Многофункциональный характер определенных видов вооружений и военной инфраструктуры, которые могли бы стать объектом нападения в условиях конфликта, может привести к непреднамеренной эскалации. Например, некоторые китайские эксперты заявляют, что в случае войны с применением обычного оружия Китаю следует рассмотреть вариант уничтожения американских спутников системы раннего предупреждения, чтобы обеспечить эффективность неядерных ударов китайских ракет по региональным целям. Однако США могут увидеть в таких ударах весьма провокационную попытку подорвать американские возможности оперативного обнаружения и перехвата китайских межконтинентальных баллистических ракет (МБР), запущенных для поражения целей на территории США.

Также могут быть неверно истолкованы действия по развертыванию или применению наступательных вооружений, которые представляют угрозу как для ядерных объектов, так и для неядерных. Некоторые операции с применением автономных необитаемых подводных аппаратов (АНПА), например, могут угрожать как атомным подводным лодкам противника, вооруженным баллистическими ракетами

(ПЛАРБ), так и многоцелевым подводным лодкам. Таким образом, если бы США захотели создать угрозу только для многоцелевых подводных лодок Китая, но не для ПЛАРБ, Китай мог бы решить, что его ядерные силы и средства сдерживания морского базирования находятся в опасности.

Китай в прошлом не осуществлял переплетение ядерных и неядерных сил для защиты последних. Однако в настоящее время военное командование страны считает, что такое переплетение может быть полезным в этом отношении, и не собирается приступать к процессу разделения, чтобы не увеличивать таким образом уязвимость своих неядерных сил.

РАЗЛИЧНЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА РАЗВЕРТЫВАНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ВИДОВ ВООРУЖЕНИЯ

Одна из сторон может неверно интерпретировать действия другой стороны из-за несовпадения взглядов на цели и потенциальные последствия развертывания определенных видов вооружения или из-за различной оценки обстоятельств, в которых может быть использовано это оружие. Например, существует вероятность, что Соединенные Штаты переоценивают риск применения Китаем противоспутниковых вооружений в условиях конфликта, поэтому могут неверно интерпретировать некоторые действия Пекина и слишком остро на них отреагировать, — например, Вашингтон может нанести обезоруживающий удар по предполагаемым объектам и средствам противоспутниковой обороны Китая.

С другой стороны, руководство США утверждает, что противоракетная система высотной зональной обороны театра военных действий (ТНААД), развернутая на территории Южной Кореи, предназначена исключительно для защиты от ракетного нападения со стороны КНДР. Однако китайские эксперты считают, что она направлена против Китая и что Китай должен быть готов к нанесению удара по системе ТНААД в случае американо-китайского военного конфликта. Если бы Пекин нанес такой удар, США и Китай по-разному оценивали бы обстоятельства, в которых это произошло. Китай, вероятно, считал бы, что такой удар вполне понятен и оправдан и не предполагает чрезмерной реакции со стороны США. Лица, принимающие важнейшие решения в правительстве США, напротив, скорее всего, сочли бы такой удар в высшей степени провокационным.

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ ЯДЕРНЫХ И НЕЯДЕРНЫХ СРЕДСТВ И ПРИНЯТИЕ РИСКОВ

Разработка и развертывание определенных неядерных систем вооружений способны повлиять на поведение страны в кризисной ситуации, а также на то, примет ли она решение пойти на риск и сделать ставку на эскалацию конфликта. Например, китайские эксперты, основываясь на заявлениях американских официальных лиц и на публикациях в СМИ, полагают, что правительство США рассматривает возможность использования кибернетического оружия для того, чтобы подорвать стратегические ракетные арсеналы и системы оперативного управления ядерными силами потенциальных противников в условиях кризиса. Чтобы создать эффективные силы и средства для кибернетических операций, США необходимо в мирное время постоянно проводить зондирование систем управления противника с целью составить карту сетевой инфраструктуры и выявить ее потенциально уязвимые места. Такие разведывательные кибернетические операции могут быть замечены противником, и он будет предупрежден о потенциальной угрозе кибернетических атак против его ядерных сил сдерживания. Осознание же уязвимости в кризисной ситуации может привести к тому, что сторона станет менее склонной к риску и, следовательно, более склонной к эскалации конфликта.

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ОПЕРАТИВНОЙ ОБСТАНОВКИ

Поступление на вооружение некоторых неядерных технологий может уменьшить или, напротив, усугубить неопределенность оперативной обстановки, что, в свою очередь, повлияет на вероятность непреднамеренной ядерной эскалации. Некоторые китайские аналитики, особенно те, кто ратует за применение противоспутникового оружия в случае ограниченной региональной войны с США, склонны рассматривать неопределенность оперативной обстановки в результате нанесения таких ударов как тактическое военное преимущество Китая. Еще одним следствием неопределенности оперативной обстановки может стать неверная интерпретация США таких, например, действий Китая, как проведение военных учений или мобилизация ракетных войск. Вашингтон может посчитать это подготовкой к фактическому применению ядерного оружия и нанести упреждающий удар по ядерным силам и средствам Китая. Неопределенность оперативной обстановки может также создать преграды для эффективного обмена информацией между сторонами. Тот факт, что США расширяют использование автономных безоператорных боевых систем, например АНПА, которые теоретически способны подорвать ядерный потенциал Китая, иллюстрирует актуальность этой проблемы.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ, СДЕЛАННЫЕ ДЖЕЙМСОМ ЭКТОНОМ С АМЕРИКАНСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

По иронии судьбы уверенность в том, что непреднамеренная эскалация конфликта практически невозможна, в действительности делает ее более вероятной. Дело в том, что из-за этой уверенности в мирное время политические и военные лидеры не готовы идти на снижение рисков, а в военное время склонны интерпретировать неоднозначные события в самом негативном свете. Уменьшение рисков должно быть приоритетной задачей для правительства США, но, судя по всему, пока это не так.

ОДНОСТОРОННИЕ МЕРЫ

На данный момент политические отношения между США и Китаем и между США и Россией находятся в довольно плачевном состоянии, к тому же каждое из государств придерживается собственной точки зрения на то, кто виноват в повышении риска эскалации. Поэтому односторонние действия представляются в настоящее время наиболее разумным и реалистичным подходом к снижению рисков. Лица, отвечающие за принятие стратегических решений в условиях кризиса, должны быть лучше информированы о рисках непреднамеренной эскалации и осознавать всю сложность этой ситуации. Что должно найти свое отражение в политике закупок военной техники и снаряжения, а также в военном планировании. В идеале Китай, Россия и Соединенные Штаты должны приступить к этому процессу, не оглядываясь на действия друг друга.

МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ДИАЛОГ

Организация и проведение американо-китайских и американо-российских межправительственных обсуждений представляют более серьезную проблему. На первом этапе целью такого диалога может стать формирование более точной оценки рисков эскалации — за счет того, что стороны лучше станут понимать точку зрения потенциального противника. Начать можно с обсуждения вопросов о новейших неядерных вооружениях, о выживаемости размещенных в космосе средств системы оперативного управления ядерными силами, а также о взаимодействии кибернетических вооружений и систем оперативного управления ядерными силами.

СОВМЕСТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

В долгосрочной перспективе укрепление доверия и даже появление формальных инструментов контроля могут сыграть важную роль в снижении рисков, но пока

все это кажется маловероятным. Тем не менее правительства могут и должны начать свою работу по разработке и оценке предложений по указанной проблеме. Соединенным Штатам и России следует провести оценку соглашений о транспарентности, которые препятствовали бы «негласному сосредоточению» средств доставки крылатых ракет морского и воздушного базирования в пределах досягаемости «стратегических целей» другой стороны; заключить соглашение о запрете на испытания и развертывание специализированных видов противоспутникового оружия и учесть межконтинентальные ракетно-планирующие средства в рамках основных предельных уровней, которые будут установлены в следующем за СНВ-3 соглашении.

Существует множество проблем на пути выработки совместного подхода. И все же, несмотря на реальные и серьезные разногласия между США и Россией и между США и Китаем, три государства должны приложить максимум усилий для снижения рисков непреднамеренной эскалации, чтобы не оказаться на грани ядерной войны или даже перейти эту грань.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ вновь стали возникать споры о том, насколько велика в современном мире опасность непреднамеренной эскалации конфликтов вследствие переплетения неядерных вооружений с ядерными и с их вспомогательными силами и средствами. Это переплетение может проявляться по-разному: оно может быть связано со средствами доставки двойного назначения, которые могут оснащаться как ядерными, так и неядерными боевыми частями; с совместным размещением ядерных и неядерных сил, включая объекты их инфраструктуры. И, что наиболее важно, неядерные средства могут быть нацелены на ядерные объекты и относящиеся к ним системы командования, управления, связи и информации.

До недавнего времени эти проблемы обсуждались только американскими исследователями, а предметом дискуссий были лишь американо-китайские противоречия. Однако нет причин исключать возможность подобной эскалации конфликта между США и Россией (вспомним, что последствия переплетения обычного и ядерного оружия впервые стали предметом серьезного рассмотрения в 1980-е годы именно в контексте противоречий между США и Советским Союзом). Более того, учитывая степень влияния субъективных оценок и представлений сторон на эскалацию конфликта, отсутствие возможности рассмотреть позиции России и Китая по этому вопросу представляется серьезным упущением.

Настоящая публикация — попытка заполнить пробелы в понимании позиций этих двух стран. Ее авторы — одни из самых авторитетных исследователей ядерной политики России и Китая; немаловажно, что у каждого из них есть обширные связи в военно-политических структурах. Алексей Арбатов, Владимир Дворкин и Петр То-

пычканов в нашей работе представляют Россию, Тун Чжао и Ли Бинь — Китай. Обе группы исследователей ищут ответы на два ключевых вопроса. Первый — насколько серьезна угроза эскалации конфликта вследствие переплетения обычных и ядерных вооружений. Второй — как взгляды авторов соотносятся с позициями стратегических сообществ России и Китая. В заключении исследования представлена моя точка зрения на политическое значение сделанного авторами анализа.

Публикация этой работы была бы невозможна без щедрой помощи и поддержки Корпорации Карнеги в Нью-Йорке, а также без тех людей — действующих и бывших политиков, военных специалистов, экспертов оборонной отрасли и аналитиков из неправительственных структур, — которые были готовы идти на контакт и находить общий язык с исследовательскими группами из России и Китая. Все встречи и интервью проводились на условиях анонимности, поэтому мы не можем поименно поблагодарить каждого собеседника и участника рабочей группы, однако наша признательность от этого не становится меньше.

Джеймс Эктон,
Вашингтон, округ Колумбия
июль 2017 года

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ ОБЫЧНЫХ И ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ КАК НОВАЯ УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ: РОССИЙСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ИЗ-ЗА ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ обычного и ядерного оружия (ЯО), обусловленного развитием новых неядерных технологий, которые могут представлять угрозу для ядерных вооружений и связанных с ними систем управления, связи и информации, неядерное столкновение великих держав, даже локальное, может привести к быстрой эскалации конфликта и к тому, что он непреднамеренно перерастет в мировую ядерную войну. Политические и военные эксперты, в том числе российские, недооценивают опасность такого развития событий, потому что вслед за прусским генералом и военным стратегом Карлом фон Клаузевицем традиционно считают войну «не только политическим актом, но подлинным орудием политики, продолжением политических отношений»¹. Российские специалисты так или иначе исходят из допущения, что решение о применении военной силы, в том числе ядерных вооружений, принимается на основе рационального подхода.

Из этого следует, что, поскольку в ядерной войне великие державы — Россия, США и Китай — неизбежно понесут разрушительные потери, ни одна из них не пойдет на

преднамеренное развязывание конфликта, и это делает его крайне маловероятным. Такой вывод подкреплен очевидной надежностью взаимного ядерного сдерживания и подтверждается расчетами, согласно которым первый удар, нанесенный США или Россией в попытке обезоружить противника, не уменьшит ущерб от ответного удара до приемлемого уровня (как бы такой уровень не оценивался). Российские военные и политические стратегии чаще всего игнорируют возможность начала войны

Война между великими державами может начаться не в результате спланированной широкомасштабной агрессии. «Цепная реакция» военных операций обеих сторон может привести к эскалации кризиса или региональной войны.

в результате непреднамеренной и неконтролируемой эскалации кризисной ситуации². Вполне возможно, новая администрации США относится к проблеме аналогично.

Однако, как неоднократно бывало в истории, особенно после 1945 года, война между великими державами может начаться не в результате спланированной широкомасштабной агрессии, а из-за «цепной реакции» военных операций обеих сторон, которая приведет к эскалации кризиса или региональной войны с вовлечением союзных стран. Оказавшись в такой си-

туации, каждая сторона будет считать, что она руководствуется исключительно оборонительными соображениями, даже если на самом деле ведет наступательные действия, и при этом будет уверена, что именно противник имеет агрессивные намерения или несоразмерно реагирует на происходящее.

Наглядный пример — Карибский кризис октября 1962 года: ни одна из сторон не стремилась к войне, но весь мир избежал ядерной катастрофы по чистой случайности. Этот кризис явился самым опасным эпизодом холодной войны, но его нельзя считать исключением. Прочие кризисы и конфликты, в том числе Суэцкий кризис 1956–1957 годов, Берлинский кризис 1961 года и арабо-израильские войны 1967 и 1973 годов также могли выйти из-под контроля. Каждый из этих эпизодов мог стать началом ядерной войны, из-за того что в них в той или иной мере участвовали Советский Союз и США.

В годы холодной войны сверхдержавам удавалось остановить эскалацию и не свалиться в пропасть прямого вооруженного конфликта. При нынешнем, гораздо более

сложном миропорядке это везение может в какой-то момент закончиться, что повлечет за собой ужасающие последствия, даже несмотря на стабильность ядерного сдерживания между Россией и США, которое подразумевает, что ни одна из сторон не может нанести по другой разоружающий ядерный удар.

Вероятность такого развития событий связана с двумя тенденциями. Первая — общее ухудшение международных отношений, в том числе напряженное противостояние России и США/НАТО в связи с ситуацией на Украине. Это противостояние происходит на обширной территории — от Средиземного и Черного морей до Прибалтики и Арктического региона. Одновременно нарастает напряженность в западной части Тихого океана между Китаем с одной стороны и США с их союзниками с другой, хотя в настоящее время уровень напряженности в этом регионе ниже, чем в Европе. (Хотя в Сирии пока нет прямого противостояния великих держав, но и там возможно вооруженное столкновение и его эскалация за пределы региона.)

Вторая тенденция — развитие военных технологий и нетрадиционных стратегических концепций (таких как «ядерная деэскалация» и «ограниченный обмен стратегическими ядерными ударами»). Особое значение имеет развитие новых неядерных вооружений, которые могут быть применены в конфликтной ситуации для поражения ядерного оружия, баз, на которых развернуто это оружие, а также связанных с ним систем управления, связи и информации. Такое переплетение обычных и ядерных вооружений размывает традиционное разграничение между ними, а также между наступательными и оборонительными средствами и системами, что создает угрозу быстрой непреднамеренной эскалации локального неядерного конфликта между великими державами к ядерной войне.

По прошествии более чем четверти века с окончания холодной войны это сочетание военных и политических факторов неожиданно возродило угрозу вооруженного конфликта и даже ядерной войны между великими державами, сделав ее одной из главных нынешних проблем международной безопасности. При этом непонятно, осознают ли нынешние лидеры России и США, насколько опасны ситуации, которые сложились, например, на Украине, в Балтийском регионе или Сирии.

В настоящей главе изложена точка зрения России (в интерпретации независимых российских экспертов) на риски, сопряженные со сплетением обычных и ядерных вооружений. Глава разделена на три части. В первой рассматривается относительно новое российское видение концепции широкомасштабной войны с использованием так называемых воздушно-космических вооружений. Эта концепция становится

центральной в российской оборонной стратегии и способна влиять на риск эскалации конфликтов, сопряженных со смешением обычных и ядерных вооружений. Во второй части в основном описываются российские взгляды на неядерные удары — как американские, так и российские — с применением высокоточных обычных вооружений по ядерным силам и их системе управления, связи и информации. Третья часть посвящена боевым возможностям и концепциям России в отношении борьбы с американскими спутниками, которые обеспечивают размещение ключевых компонентов системы управления, связи и информации, а также российским взглядам на аналогичные американские боевые возможности применительно к российским системам космического базирования. Все три части данной главы объединяет одна тема — роль и задачи вновь созданных Воздушно-космических сил России. Этот вид вооруженных сил был сформирован 1 августа 2015 года в результате слияния Военно-воздушных сил и Войск воздушно-космической обороны. В его функции входят как защита от воздушно-космического нападения противника, так и нанесение ударов с применением средств космического нападения³.

Авторы этой главы не затрагивают такую тему, как киберугрозы для ядерных вооружений и связанных с ними систем управления, связи и информации. Дело в том, что уровень секретности, который окружает эту область, настолько высок, что невозможно получить хоть сколь-нибудь конкретные данные о возможных последствиях применения кибернетического оружия для рисков ядерной эскалации. Впрочем, системы управления стратегическими ядерными силами изолированы и обладают высоким уровнем защиты, так что, по всей вероятности, недоступны для кибернетических атак. Наиболее уязвимое звено — радиоканалы связи и управления спутниками, особенно со спутниками системы раннего предупреждения. Блокировка таких каналов или направление через них ложного предупреждения о ракетном нападении могут спровоцировать непреднамеренную ядерную войну, особенно если учесть, что и у США, и у России есть планы и системы для пуска межконтинентальных баллистических ракет (МБР) на основании сигналов предупреждения о ракетном нападении. (Ситуация может оказаться еще более опасной, если будут развернуты гиперзвуковые высокоточные планирующие средства большой дальности, поскольку тогда наземные РЛС не смогут своевременно подтвердить факт нападения с использованием таких вооружений. В этом случае запуск межконтинентальных баллистических ракет нужно будет осуществлять только на основании предупреждения со спутников.) Кибернетическое воздействие, нарушающее функционирование систем управления, связи и информации, чревато спонтанным обменом ядерными ударами, так что вряд ли какая-нибудь из великих держав решится на такую кибератаку. Скорее таких действий можно ожидать от террористов или от

стран-изгоев в кризисной ситуации. Чтобы уменьшить эту опасность, великим державам следует договориться о создании набора правил и процедур для обнаружения кибернетических атак и совместного установления их источника.

ВОЗДУШНО-КОСМИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Как ни парадоксально, понятие «воздушно-космической войны» наименее четко определено в современной российской Военной доктрине, несмотря на то что эта тема является в России весьма важной и широко обсуждаемой в рамках анализа проблем безопасности. Согласно Военной доктрине Российской Федерации, главные задачи вооруженных сил — «своевременное предупреждение Верховного главнокомандующего о воздушно-космическом нападении» и «обеспечение воздушно-космической обороны важнейших объектов Российской Федерации и готовности к отражению ударов с применением средств воздушно-космического нападения»⁴. Однако при этом в Доктрине не объясняется, что такое «воздушно-космическое нападение».

Не дают ясного и точного определения целей и средств воздушно-космической войны и те профессиональные военные публикации, где она часто обсуждается. Это, однако, не мешает проведению обширных исследований на данную тему. Вот один из множества примеров:

«Анализ развития военно-политической обстановки в мире показывает, что в современных условиях и в ближайшей перспективе основную угрозу для Российской Федерации с точки зрения потенциальных возможностей для нанесения удара по ее ключевым объектам будут представлять средства воздушно-космического нападения (СВКН). При этом степень угроз России в воздушно-космической сфере в перспективе будет только возрастать... Само воздушно-космическое пространство станет основной, а порой и единственной сферой вооруженной борьбы, а военные действия в ней приобретут главенствующую роль и глобальный размах. В этих условиях противник получит возможность наносить скоординированные по времени и в пространстве высокоточные удары практически по всем целям на территории России, а на самом деле и по всему миру»⁵.

Именно в таком контексте российские военные и технические эксперты занимаются разработкой стратегий ведения воздушно-космической войны. Один из ведущих теоретиков в этой области, полковник Юрий Криницкий, сотрудник Военной академии воздушно-космической обороны, предлагает такой вариант формулиров-

ки: «Интеграция воздушных и космических средств нападения обусловила превращение воздушного пространства и космоса в самостоятельную сферу вооруженной борьбы — воздушно-космический театр военных действий (ВК ТВД). Единым, системно организованным действиям СВКН на этом ТВД должны быть противопоставлены также единые и системно организованные действия российских войск (сил) ВКО. Этому требуют Стратегия национальной безопасности Российской Федерации и Концепция воздушно-космической обороны, утвержденная президентом РФ в 2006 году»⁶. В этом документе выделяются следующие задачи сил Военно-космической обороны (ВКО): «Ведение разведки воздушно-космической обстановки; вскрытие начала воздушного, ракетного или космического нападения, оповещение о нем органов государственного и военного управления Российской Федерации; отражение воздушно-космического нападения и защита пунктов управления высших звеньев государственного и военного управления, группировок стратегических ядерных сил и элементов системы предупреждения о ракетном нападении»⁷.

Как ни странно, детально разбирая организационные, оперативные и технические аспекты деятельности войск ВКО (которые сейчас являются частью Воздушно-космических сил России)⁸, военные специалисты обходят стороной вопрос, что, собственно, такое «средства воздушно-космического нападения» (СВКН), против которых направлена эта оборона. Этот термин, как и термин «воздушно-космическое нападение», широко используется в официальных документах (включая Военную доктрину), в новых названиях военных организаций (например, «Воздушно-космические силы»), а также в многочисленных профессиональных статьях, книгах и брошюрах.

Если СВКН — это авиация и крылатые ракеты, то при чем здесь космос? Понятно, что именно там размещены военные спутники связи разведки, метеорологии и навигации. Но они также обслуживают военный флот и сухопутные войска, к названиям которых не прилагается приставка «космические».

Если под СВКН подразумеваются баллистические ракеты большой дальности, траектория которых в основном проходит через космос, то данная угроза не нова и существует уже больше шестидесяти лет. Более того, защиты от массированного ракетного удара как не было, так и нет — и, скорее всего, не появится, несмотря на все усилия США и России в области противоракетной обороны. В прошлом (а также, возможно, и сегодня) одной из возможных задач баллистических ракет было создание «коридоров подхода» в системе противовоздушной обороны противника, чтобы через них смогли прорваться бомбардировщики. Однако с развертыванием

баллистических ракет, оснащенных боевыми частями повышенной точности, и с поступлением на вооружение крылатых ракет воздушного базирования большой дальности необходимость в глубоком прорыве системы ПВО бомбардировщиками становится все менее актуальной.

Также термин «СВКН» может применяться в отношении гиперзвуковых ракетно-планирующих систем оружия, которые рассматриваются ниже. Однако задачи и боевые возможности последних пока еще не ясны, и основывать на них теорию воздушно-космической войны и тем более создавать против них оборону явно преждевременно. Так или иначе, называть их воздушно-космическими можно лишь с большой натяжкой: кроме короткого разгонного участка, вся их траектория пролегает в стратосфере. Так что определять эти системы как «космические вооружения» еще более странно, чем традиционные баллистические ракеты большой дальности. Наконец, что касается систем космического базирования для нанесения ударов по целям на суше, море и в воздухе, то их пока еще не существует, и их целесообразность в будущем отнюдь не очевидна.

Несмотря на то что концепция воздушно-космической войны недостаточно определена, обсуждающие ее военные и технические эксперты приходят к предсказуемому выводу о силах и средствах, необходимых для того, чтобы ее вести. Они утверждают, что Россия должна «противопоставить системе воздушно-космического нападения систему воздушно-космической обороны... Перспективная система поражения и подавления СВКН должна представлять собой совокупность противоракетных и противоспутниковых, зенитно-ракетных и авиационных группировок, воинских частей и подразделений РЭБ. Причем эта система должна строиться эшелонированно»⁹.

Такие призывы находят свое отражение в практической политике. Важно отметить, что программа ВКО, которую отстаивают военные ведомства и заинтересованные промышленные корпорации, — крупнейший раздел Государственной программы вооружения на период до 2020 года. О начале этой программы было объявлено в 2011 году, и на ВКО предполагалось направить около 20 % всех ассигнований — примерно 3,4 трлн рублей (\$106 млрд по обменному курсу на тот момент)¹⁰. Кро-

---

Вывод экспертов о силах и средствах для ведения воздушно-космической войны предсказуем, хотя концепция ее недостаточно определена.

ме модернизации систем раннего предупреждения о ракетном нападении (СПРН) на основе разработки и развертывания новых РЛС наземного базирования типа «Воронеж» и спутников обнаружения пусков ракет, программа предусматривает развертывание 28 зенитных ракетных полков, оснащенных комплексами С-400 «Триумф» (около 450–670 пусковых установок), а также 38 дивизионов перспективной системы С-500 «Витязь», недавно получившей новое название «Прометей» (300–460 пусковых установок)¹¹. В общей сложности можно предполагать

За сорок лет холодной войны военная и военно-промышленная элита Советского Союза привыкла конкурировать с мощнейшим потенциальным противником — США.

производство не менее 3000 ракет-перехватчиков двух типов¹², для чего должно быть построено три новых завода. Кроме того, создается новая, интегрированная и полностью автоматическая система управления силами воздушно-космической обороны. Модернизируется Московская система ПРО А-135 (переименованная в А-235), чтобы она могла осуществлять неядерный (контактно-ударный) перехват баллистических

ракет с применением новейших антиракет большой дальности типа «Нудоль» (ранее противоракеты были оснащены только ядерными боеголовками)¹³. Из-за экономического кризиса в России, который привел к сокращению военного бюджета в 2017–2018 годах, реализация программ воздушно-космической обороны может быть скорректирована. Однако основная тенденция сохранится, если только в российской военной политике не произойдет значимого изменения и программа будет пересмотрена, а средства переориентированы.

За сорок лет холодной войны несколько поколений советской военной и военно-промышленной элиты привыкли конкурировать с мощнейшим потенциальным противником — Соединенными Штатами. Конец холодной войны и гонки ядерных вооружений в начале 1990-х поставил под сомнение эту грандиозную цель, а государства-изгои и террористы не могли стать достойной заменой. Однако операции США и НАТО в Югославии, Ираке и Ливии поставили перед российским ВПК новую задачу в области высоких технологий — в России ее назвали воздушно-космическим противоборством. В военно-промышленных кругах она была встречена как новый великий вызов и уникальная сфера интенсивной конкуренции с достойным соперником. Кроме того, она, несомненно, произвела впечатление на политическое руководство: серьезность выявленных угроз подтвердила приоритет задач

национальной обороны, а значит, и программ развития вооружения и увеличения военного бюджета.

Как бы то ни было, российская стратегия воздушно-космической войны непосредственно связана с проблемой сплетения обычных и ядерных вооружений. Удивительным образом авторы этой стратегии обходят стороной самый главный вопрос: о какой войне идет речь — о глобальной (региональной) ядерной войне или о неядерной войне между Россией и США/НАТО?

Если о ядерной, то в случае массированного применения баллистических ракет с ядерными боеголовками (и при отсутствии эффективной системы противоракетной обороны) российские воздушно-космические силы едва ли будут эффективными. Они способны оповестить о ракетном нападении, но не смогут выполнить задачи, установленные в военной доктрине для этого вида вооруженных сил, включая «отражение воздушно-космического нападения и защиту пунктов управления высших звеньев государственного и военного управления, группировок стратегических ядерных сил и элементов системы предупреждения о ракетном нападении»¹⁴.

Если же речь идет о воздушно-космической войне с использованием неядерных вооружений, эта концепция тоже вызывает вопросы. Например, по словам бывшего заместителя министра обороны РФ генерала армии Аркадия Бахина, «ведущие государства мира делают главную ставку на завоевание господства в воздухе и космосе, проведение в самом начале войны массированных воздушно-космических операций с нанесением ударов по стратегическим и жизненно важным объектам по всей глубине страны»¹⁵. Однако трудно представить, что в действительности такой конфликт не приведет к быстрой эскалации с применением ядерного оружия обеими воюющими сторонами, особенно в том случае, если стратегические силы и их системы управления, связи и информации станут объектом непрерывных атак с применением обычного оружия.

Скорее всего, авторы этой стратегической концепции предполагают, что Запад относительно долго (дни или недели) будет вести против России кампанию «воздушно-космических ударов» без применения ядерного оружия. Россия, в свою очередь, будет отражать такие атаки и наносить ответные удары, применяя обычные вооружения большой дальности. Примечательно, что в 2016 году министр обороны России Сергей Шойгу заявил, что «к 2021 году более чем в четыре раза планируется повысить боевые возможности отечественных стратегических неядерных сил, что даст возможность в полной мере решать задачи неядерного сдерживания»¹⁶.

Иными словами, основная идея заключается в том, что против России может быть открыта военная кампания, подобная осуществленным под руководством США силами НАТО в Югославии в 1990 году или Ираке в 1990 и 2003 годах (на них часто ссылаются эксперты в этом контексте), но результат будет другим — потому что российские ВКС, ракетные войска стратегического назначения и ВМФ проведут против США и их союзников серию операций и ударов.

Особая роль оборонительных и наступательных неядерных стратегических вооружений не исключает ограниченное использование ядерного оружия на том или ином этапе вооруженного конфликта. Это подтверждает рассуждение Сергея Суханова, генерального конструктора межгосударственной акционерной корпорации «Вымпел», которая отвечает за разработку систем стратегической обороны: «Если не исключать возможности широкомасштабного применения СВКН со стороны США и других стран НАТО (то есть если допустить, что к России будет применена «югославская» стратегия), то очевидно, что решить задачу борьбы с СВКН средствами, поражающими их в воздушном и космическом пространстве, невозможно, поскольку это потребовало бы создания высокоэффективной территориальной системы ПВО-ПРО. Поэтому стратегия решения задачи ВКО для этого случая должна базироваться на стратегии сдерживания противника от широкомасштабного применения СВКН на основе проведения операции ядерного сдерживания в масштабе, исключающем эскалацию, но заставляющем противника отказаться от дальнейшего применения СВКН»¹⁷.

Иными словами, в какой-то момент Россия больше не сможет отражать удары, и тогда, как утверждает Суханов, ее военное руководство будет вынуждено прибегнуть к ограниченному применению ядерного оружия, чтобы вынудить США и их союзников прекратить нападение.

Судя по доступной информации, для ведения масштабной неядерной «воздушно-космической войны» против России у США нет (и в обозримом будущем не предвидится) ни технологических средств, ни оперативных планов. Правда, в американской военной стратегии на протяжении многих лет присутствует концепция «обычного (неядерного) сдерживания», которую с недавнего времени позаимствовала и российская Военная доктрина. Неясно, однако, насколько масштабные и длительные авиаракетные удары предусматривают такие концепции. Так или иначе, в современном российском стратегическом мышлении большая война с США и странами НАТО рассматривается как некий долговременный единый технический и оперативный континуум применения обычных и ядерных, оборонительных и наступательных, баллистических и аэродинамических систем оружия. Этот под-

ход, наряду с американской концепцией «обычного сдерживания», создает питательную среду для переплетения обычных и ядерных вооружений. Результатом может стать быстрая эскалация и перерастание локального неядерного конфликта в глобальную ядерную войну. Далее мы рассмотрим, каким образом новейшие передовые военные технологии могут усугубить эту опасность.

НЕЯДЕРНОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ И ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ ОБЫЧНЫХ И ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ

Основной и наиболее вероятный вариант сплетения обычных и ядерных вооружений связан с взаимодействием и взаимообусловленностью оперативно-тактических ядерных вооружений и обычных сил и средств. Существует огромный риск, что тактические ядерные вооружения могут стать объектом нападения в условиях вооруженного конфликта с применением обычных видов оружия, поскольку носители тех и других размещены на одних и те же базах. Более того, для доставки тактических ядерных боеприпасов используются средства двойного назначения, которые находятся на вооружении ВМФ, ВКС и сухопутных войск (например, ракетные системы наземного базирования «Искандер» и «Точка», применяемые сухопутными войсками, крылатые ракеты морского базирования «Калибр», состоящие на вооружении ВМФ, а также ракеты «воздух — поверхность» и авиабомбы бомбардировщиков средней дальности и фронтовых бомбардировщиков в боевом составе ВМФ и ВКС).

В свою очередь, тактическое ядерное оружие, конечно, может быть использовано для нанесения ударов по неядерным целям: местам сосредоточения соединений сухопутных войск, а также баз их дислокации, аэродромов, военно-морских баз, подводных лодок и надводных кораблей в море. Такое применение тактического ядерного оружия вызовет ответный ядерный удар по военно-морским базам и по аэродромам. Более того, в России открыто говорят, что ракетные системы наземного базирования «Искандер», дислоцированные в Калининградской области, могут быть оснащены ядерными или обычными боевыми частями для нанесения ударов по американским объектам противоракетной обороны в Европе, в частности по пусковым установкам ракет ПРО «Стандард-3», относящимся к ним РЛС, которые размещаются в Польше (их называют «Иджис Эшор») ¹⁸. В свете возможных новых концепций России и НАТО, которые предполагают заблаговременно использовать ядерное оружие для

«деэскалации» обычного конфликта, опасность такого развития событий особенно велика¹⁹. На деле эффект может быть обратным, и такие удары повлекут за собой немедленную ядерную эскалацию с катастрофическими последствиями.

Большое количество научных и политических публикаций посвящено вопросам применения именно тактического ядерного оружия. Однако вероятность переплетения обычных и ядерных вооружений связана и со стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями и их системами управления, связи и информации.

Ограниченные стратегические удары (то есть ограниченные удары с применением МБР, баллистических ракет подводных лодок или тяжелых бомбардировщиков) в ответ на неядерные угрозы — еще один вариант сплетения обычных и ядерных вооружений. В своей Военной доктрине Россия оставляет за собой право применить ядерное оружие в случае «агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства», однако (как и в доктринах прочих ядерных держав) не раскрыты ни понятие «существование государства», ни масштаб вероятного применения ядерного оружия²⁰. В настоящее время в официальных документах России и США ограниченные стратегические ядерные удары публично не упоминаются, однако некоторая информация появляется в публикациях профессиональных военных экспертов из научно-исследовательских центров под эгидой Министерства обороны. Например, одна группа таких экспертов отмечает: «Главной особенностью считается ограниченный характер первого ядерного воздействия, которое призвано не ожесточить, а отрезвить агрессора, заставить его прекратить нападение и перейти к переговорам. При отсутствии желательной реакции предусматривается нарастающее массирование использования ЯО как в количественном отношении, так и по энерговыделению. Поэтому при дальнейшем анализе принимается, что первое ядерное воздействие Российской Федерации может носить ограниченный характер. Реакция противника просчитывается в форме как массированного, так и ограниченного ядерного удара. Более вероятным, на наш взгляд, можно считать второй вариант. В его пользу говорит тот факт, что США являются страной, где родилась концепция ограниченной ядерной войны»²¹.

Есть некоторые основания полагать, что аналогичные идеи разрабатываются и в американском стратегическом сообществе, которое приняло концепцию «адаптированного ядерного варианта для ограниченного использования»²².

Такие концепции столь же искусственны, сколь и опасны. Если они будут представлены самоуверенному и неопытному лидеру, несведущему в вопросах стратегии,

страна (да и весь мир) может оказаться на пути к катастрофе. Наряду с возродившимися идеями использования тактического ядерного оружия в целях деэскалации обычной локальной войны между Россией и НАТО, такие концепции стали наиболее опасным новшеством в современной военной стратегии, поскольку провоцируют чрезвычайно опасное сплетение обычных и ядерных вооружений.

Российское руководство, а также многие эксперты считают: существует реальная возможность того, что по ключевым объектам российской военной инфраструктуры будет нанесен массированный разоружающий удар с применением высокоточных неядерных вооружений. Эта предпосылка — часть концепции воздушно-космической войны, рассмотренной выше.

Такие опасения неоднократно высказывал президент Владимир Путин.

В своей речи на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» в 2015 году он отметил: «Уже появилась концепция так называемо-

го первого обезоруживающего удара, в том числе с использованием высокоточных неядерных средств большого радиуса действия, сопоставимых по своему эффекту с ядерным оружием»²³. Об этом же он говорил годом ранее (тогда речь шла о перспективах сокращения ядерного оружия): «Сегодня многие виды высокоточного оружия по своим возможностям уже приблизились к оружию массового поражения, и в случае отказа, полного отказа от ядерного потенциала или критического снижения его объемов страны, обладающие лидерством в создании и производстве высокоточных систем, получают явное военное преимущество»²⁴.

Заместитель премьер-министра Дмитрий Рогозин выступил с аналогичными комментариями и отметил, что удар с применением высокоточных обычных вооружений может уничтожить 90 % российских стратегических сил за несколько часов²⁵. Павел Созинов, генеральный конструктор концерна ВКО «Алмаз-Антей» (разработка и производство систем противовоздушной обороны), конкретизировал угрозу: «Доминирующим в современных угрозах является массированное использование в первой фазе удара крылатых ракет... Программа перевооружения, в первую очередь средств морского базирования, которую Соединенные Штаты проводят, позволяет им выйти в период 2015–2016 годов на общий объем возможной

В настоящее время в официальных документах России и США ограниченные стратегические ядерные удары публично не упоминаются.

доставки к важным объектам Российской Федерации порядка 6,5–7 тыс. крылатых ракет, причем около 5 тыс. — с морских носителей». Такое массированное применение крылатых ракет в первой фазе боевых действий может нанести «колоссальный ущерб объектам стратегических ядерных сил России»²⁶.

ВОЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ США И РОССИИ

Дозвуковые крылатые ракеты США. На сегодняшний день очевидно лидерство США по количеству и качеству неядерных крылатых ракет (КР) высокой точности. Одна лишь военно-морская группировка США располагает более чем 600 крылатыми ракетами «Томагавк», размещенными на четырех модифицированных ПЛАРБ «Огайо» (по 154 ракеты на каждой), 25 многоцелевыми подводными лодками классов «Вирджиния» и «Сивулф», оснащенными в общей сложности 500 крылатыми ракетами, а также 22 крейсерами «Тикондерога» и 62 эсминцами типа «Арли Бёрк», на которых в совокупности размещены до 4600 КР. По неподтвержденным данным, к 2020 году США могут развернуть около 6300 КР типа «Томагавк». Продолжается совершенствование этого типа оружия. Так, например, в 2014 году ВВС США объявили о принятии на вооружение новой КР класса «воздух — земля» — AGM-158B JASSM-ER (Joint Air-to-Surface Standoff Missile — Extended Range) с увеличенной дальностью полета²⁷.

Российские дозвуковые крылатые ракеты. В ответ Россия тоже стремится кардинально увеличить группировку крылатых ракет большой дальности и высокой точности. В настоящее время на вооружении состоят ракеты большой дальности, которые могут быть оснащены как ядерными, так и обычными боевыми частями, включая управляемые ракеты Х-55СМ и «Калибр» разных модификаций, а также новые КР воздушного базирования Х-101/102. Данных об общем количестве произведенных КР в России в открытом доступе нет. Однако в 2013 году Сергей Шойгу объявил, что количество крылатых ракет, состоящих на вооружении ВС России, увеличится в пять раз к 2016 году и в тридцать раз к 2020 году²⁸. В 2014 году началось переоборудование тяжелого атомного ракетного крейсера «Адмирал Нахимов», который будет модернизирован и превращен в первый российский корабль-арсенал с высокоточными крылатыми ракетами большой дальности. Все это говорит о том, что Россия стремится реализовать концепцию неядерного стратегического сдерживания, включенную в новый вариант Военной доктрины России, утвержденной в декабре 2014 года²⁹. Неважно, насколько этот план будет выполнен в действительности из-за экономического кризиса, — признаки гонки вооружений в этой области очевидны.

Термин «гиперзвуковое оружие», как правило, объединяет два разных типа технологий: гиперзвуковые крылатые ракеты и гиперзвуковые ракетно-планирующие системы. Разработки и испытания гиперзвуковых крылатых ракет проводятся в ряде стран, в том числе в России и США, при этом в США недавно были проведены испытания предсерийного образца авиационной гиперзвуковой крылатой ракеты Х-51А.

Ракетно-планирующие системы, дальность и скорость полета которых намного превышают аналогичные характеристики крылатых ракет, более значимы со стратегической точки зрения. Эти управляемые ракеты предназначены для нанесения высокоточных ударов по различным целям со значительно более коротким подлетным временем, чем дозвуковые крылатые ракеты, которые сейчас стоят на вооружении.

Ракетно-планирующие системы США. За последние десять лет США провели летные испытания двух межконтинентальных гиперзвуковых ракетно-планирующих систем. Во-первых, это гиперзвуковой планирующий аппарат НТВ-2 (Hypersonic Technology Vehicle 2), который разрабатывался компанией Lockheed Martin с 2003 года и предусматривал глобальную дальность полета. Испытания этого аппарата проводились дважды — в 2010 и 2011 годах. В обоих случаях испытания были прекращены досрочно: по ряду причин аэродинамический полет продолжался менее трех минут. Хотя эта программа не была полностью закрыта, ее финансирование резко сокращено, и в настоящее время новые летные испытания не планируются.

Система перспективного гиперзвукового оружия (Advanced Hypersonic Weapon) оказалась более успешной. Этот планирующий аппарат предназначен для полетов с дальностью 8000 км и прошел две серии испытаний. Министерство обороны США объявило, что первое испытание, проведенное в 2011 году на расстоянии 3800 км, было успешным. Второе испытание в 2013 году, которое предусматривало большую дальность полета, сорвалось до выхода аппарата на аэродинамический полет по причине неисправности ракеты-носителя. Предполагается проведение дальнейших летных испытаний этой системы вооружения. Пока Министерство обороны США не объявляло о планах развертывания этой системы.

Советские и российские ракетно-планирующие системы. Первые отечественные конструкторские разработки, а затем и летные испытания сверхзвуковых летательных аппаратов относятся к концу 1970-х и началу 1980-х годов и были связаны с проектом «Альбатрос» (в более поздних источниках у этого проекта появилось

кодовое обозначение «4202»). Началом интенсивной работы в этом направлении, как и во многих других, стало получение информации об американской программе Стратегической оборонной инициативы (СОИ), объявленной президентом Рейганом в 1983 году. Программа СОИ предусматривала эшелонированную противоракетную оборону космического, воздушного, морского и наземного базирования от массовой атаки советских баллистических ракет.

В ответ на американскую СОИ Советский Союз принял ряд симметричных и асимметричных мер. Проект «Альбатрос» относился к числу последних. Задачи и кон-

---

**Главная тема, которую
обсуждают российские
эксперты и представители
государственной власти, —
угроза неядерного
разрушающего удара.**

структивные особенности этого проекта до сих пор практически полностью засекречены, однако в последнее время в российских СМИ стали появляться его различные описания³⁰.

Судя по этим данным, разработка натурного ракетного комплекса началась в 1987 году по постановлению правительства в «Научно-производственном объединении (НПО) маши-

ностроение». В теории работа комплекса выглядела следующим образом: межконтинентальная жидкостная баллистическая ракета типа УР-100Н УТТХ (SS-19) на активном участке траектории выводит сверхзвуковой гиперзвуковой планирующий блок (ГПБ) на высоту 80–90 км, а затем совершает пологий разворот к земной поверхности и разгоняет ГПБ по снижающейся траектории, после чего он летит на гиперзвуковой скорости на межконтинентальную дальность. Оснащенный ядерным боезарядом ГПБ предназначен для совершения глубоких маневров по азимуту для обхода сил и средств ПРО США. Первые летные испытания ракетного комплекса «Альбатрос», судя по всему, были проведены в 1991–1992 годах³¹. Согласно сообщениям СМИ, с 2001 года велись дальнейшие испытания этого комплекса. Отмечено, что испытательные пуски ракет типа УР-100Н (SS-19) с ГПБ проводили из шахтных пусковых установок с открытыми крышами, поскольку размеры ГПБ не позволяли их закрыть. Было разработано несколько вариантов размещения сверхзвуковых ГПБ на трехступенчатых твердотопливных ракетах, включая МБР типа «Универсал» (этот проект был свернут на стадии разработки) и МБР «Тополь-М» (SS-27), но ни один из них не был реализован. В дальнейшем было официально объявлено, что ГПБ под новым названием «Авангард» может быть размещен на жидкостной тяжелой МБР следующего поколения РС-28 «Сармат»³².

По-видимому, не все описания соответствуют реальности, и маневрирование для преодоления наземной ПРО не было главной задачей ГПБ «Альбатрос», тем более что после входа в плотные слои атмосферы скорость его полета заметно снижается и ГПБ может быть уязвим для перехвата даже американской системой ПВО типа «Патриот». Скорее всего, предусмотренная траектория полета должна была уменьшить возможность поражения ракеты и ГПБ со стороны космических рубежей ПРО, которые входили в программу СОИ.

В настоящее время нет никакой информации о том, как решена проблема защиты ГПБ от наземной ПРО в рамках проекта «Авангард» в связи со снижением скорости полета на конечном участке траектории. Из открытых источников также неясно, будут ли российские гиперзвуковые ракетно-планирующие системы оснащены обычными боевыми частями для целей «обычного сдерживания», упомянутого в Военной доктрине Российской Федерации³³, или ядерными боеголовками. В последнем случае основное назначение такого оружия может заключаться в том, чтобы ограниченный удар даже с применением лишь одного или нескольких средств поражения был способен прорвать любую будущую систему ПРО США³⁴.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ НЕЯДЕРНЫХ РАЗОРУЖАЮЩИХ УДАРОВ

Главная тема, которую обсуждают российские эксперты и представители государственной власти, — угроза неядерного разоружающего (контрсилового) удара. Основная дискуссия идет вокруг вопроса, могут ли США нанести массированный контрсиловой удар по российским объектам с применением обычных вооружений (который неизбежно был бы менее эффективным, чем контрсиловой ядерный удар), исходя из допущения, что Москва не решится пойти на ответный удар с применением ядерного оружия из-за перспективы последующего американского ядерного нападения. Особенно тревожным кажется то обстоятельство, что Вашингтон может посчитать убежденность России в наличии угрозы обезоруживающего удара с применением обычных вооружений свидетельством того, что Москва не готова применить ядерное оружие для отражения такого нападения. Это гипотетически может побудить США нанести именно такие удары без применения ядерного оружия, чтобы обеспечить свое превосходство в условиях эскалации локального или регионального конфликта.

Целями неядерного разоружающего удара могут стать высокозащищенные командные пункты различного уровня, шахтные пусковые установки (ШПУ) межконтинентальных баллистических ракет, укрытия легкого типа для наземных подвижных

ракетных комплексов, обнаруженные мобильные пусковые установки МБР на полевых позициях, подводные ракетноносцы на базах, тяжелые бомбардировщики на основных аэродромах и аэродромах рассредоточения, наземные центры связи, РЛС и командные пункты системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), а также хранилища ядерного оружия.

Понятно, что уязвимость целей при таких ударах зависит от их защищенности, маскировки и эффективности мер противодействия средствам нападения противника. Радары СПРН, укрытия легкого типа для мобильных пусковых установок МБР, подводные ракетноносцы на базах и тяжелые бомбардировщики на аэродромах, пункты связи и управления космическими аппаратами могут быть относительно легко выведены из строя, если у КР будут достаточными дальность действия и точность наведения.

В случае возникновения между Россией и НАТО в Восточной Европе или в Арктике локального или регионального неядерного конфликта удары с применением крылатых ракет по этим объектам с высокой степенью вероятности приведут к быстрой эскалации с перерастанием конфликта в ядерную войну. В частности, начальные удары США по таким целям могут носить непреднамеренный характер, если российские стратегические подводные лодки и бомбардировщики будут размещены на тех же самых базах, где находятся корабли и авиация сил общего назначения.

Перехват в воздухе тяжелых бомбардировщиков в условиях неядерного конфликта также делает сплетение неядерных и ядерных вооружений практически неизбежным. Такие бомбардировщики могут принимать участие в обычных боевых действиях, но во время конфликта, возможно, они будут переведены на воздушное патрулирование с ядерным оружием, чтобы уменьшить их уязвимость в случае эскалации. Если во время такого патрулирования они будут уничтожены, появится реальный риск эскалации конфликта. Это же может произойти в случае применения обычных видов оружия против российских подводных лодок с ядерными баллистическими и крылатыми ракетами на борту, которые будут находиться на дежурстве в Арктике, Северной Атлантике и Тихом океане.

Российские специалисты продолжают спорить о возможности поражения защищенных объектов, например шахтных пусковых установок (ШПУ) МБР. По официальным оценкам, такие объекты могут быть подвержены угрозе применения обычных вооружений, но есть и другие оценки, причем не только независимых специалистов, но и профессионалов, работающих в институтах Министерства обороны.

Например, в одной из статей, подготовленных российскими военными учеными, возможность эффективного разоружающего удара по шахтным пусковым установкам российских стратегических ракет с применением дозвуковых КР в неядерном оснащении отвергается по следующим причинам ³⁵:

- поражающие способности ядерного и неядерного оружия при ударе по высокозащищенным точечным объектам стратегических ядерных сил (СЯС) несравнимы, что обуславливает значительные наряды неядерных средств;
- возможное создание помех системам наведения КР еще больше увеличит необходимые наряды на поражение объектов СЯС и потребует массирования КР и их носителей в группировках агрессора;
- спланировать подобный удар одновременно по нескольким сотням целей, расположенных на огромной территории России, чрезвычайно сложно;
- необходим последующий контроль результатов ударов неядерных КР по объектам СЯС;
- операция по применению ВТО против СЯС не уложилась бы в один удар и, следовательно, в один день;
- требуется длительное время для подготовки такой операции и создания соответствующей группировки. Эту подготовку невозможно скрыть, и у другой стороны будет время для перевода своих ядерных сил и средств, систем предупреждения о ракетном нападении и управления ими в повышенную боеготовность.

Авторы приводят расчеты эффективности одновременной атаки крылатыми ракетами пусковых шахт МБР в одном позиционном районе Татищево (он находится в пределах досягаемости крылатых ракет, которые могут быть запущены из района Черного моря), где было размещено около 90 ШПУ. Для поражения только одной шахты с вероятностью 95 % при круговом вероятном отклонении (КВО) крылатой ракеты, равном 5 метрам, потребовалось бы 14 крылатых ракет. При КВО, равном 8 метрам, потребовалось бы 35 таких ракет, что предполагало бы применение 3150 КР всего лишь по одному позиционному району. Многих других позиционных районов МБР крылатые ракеты морского базирования не смогут достичь из-за своих ограничений по дальности действия. Требуемого количества крылатых ракет для нанесения одновременных ударов по всем подобным целям у США нет и в обозримое время не будет.

К этому следует добавить, что существует целый комплекс мер по противодействию ударам крылатых ракет: частая смена позиций подвижных комплексов МБР в период угрозы; использование ложных целей (макетов), которые внешне похожи на настоящие пусковые установки МБР; рассредоточение стратегических подводных ракетноносцев в море с прикрытием их другими силами флота; рассредоточение бомбардировщиков на взлетно-посадочных полосах или объявление воздушной тревоги; а также защита стационарных объектов стратегических ядерных средств высокоэффективными

зенитно-ракетными комплексами типа «Панцирь-С2» ближнего действия и ракетными комплексами, а также другими средствами ПВО-ПРО.

Руководство России обеспокоено возможностью применения гиперзвукового оружия в неядерном контрсиле ударе со стороны Соединенных Штатов.

Низкая эффективность попытки обезоруживающего удара с применением крылатых ракет и отсутствие у США требуемого количества таких ракет ставит под сомнение обоснованность беспокойства российского руководства

по этому поводу. Однако опасения могут быть вызваны и сомнениями, сможет ли Россия удержать противника от нанесения такого удара угрозой массированного ответного ядерного удара; в конце концов, такие действия, безусловно, повлекли бы за собой массированный последующий ядерный удар со стороны США. В результате обеспокоенность Москвы возможностью контрсилевого удара без применения ядерного оружия сохраняется, и российские руководители уделяют много внимания вопросам воздушно-космической обороны и сдерживания неядерными средствами.

Российская стратегия сдерживания контрсилевого удара США с применением крылатых ракет, видимо, не основывается на угрозе быстрой ядерной эскалации (в чем, возможно, заключается китайский подход). Вместо этого Россия планирует использовать оборонительные системы и наступательные неядерные вооружения для того, чтобы отсрочить необходимость нанесения ответного ядерного удара хотя бы на начальном этапе воздушно-космической войны. Во всяком случае, это заложено в доктрине Воздушно-космических сил России.

Если говорить о будущем, то российское руководство обеспокоено возможностью применения гиперзвукового оружия в неядерном контрсиле ударе. Вероятность контрсилевого удара со стороны США с применением неядерных гиперзвуковых средств также невысока — как с политической, так и с военной точек зрения —

из-за большого риска ответного ядерного удара со стороны России. Тем не менее с чисто технической точки зрения гиперзвуковое оружие имело бы определенные преимущества по сравнению с существующими системами вооружений (прежде всего — крылатых ракет).

Ракетно-планирующие гиперзвуковые системы способны устранить или уменьшить проблемы, связанные с применением дозвуковых крылатых ракет:

- Развертывание межконтинентальных ракетно-планирующих систем на территории США позволит значительно сократить время на подготовку нападения и сделать такие приготовления менее заметными для России.
- Подлетное время ракетно-планирующих систем и само время нанесения удара будет намного меньше по сравнению с нынешними КР: 40–60 минут для ракетно-планирующих систем, запущенных с континентальной части США, вместо 2–2,5 часов для дозвуковых крылатых ракет, запущенных с самолетов и подводных лодок, находящихся на передовых стартовых позициях.
- Вероятно, можно будет обойтись меньшим количеством ракет, поскольку у обороняющейся стороны будет меньше возможностей для их перехвата.

У ракетно-планирующих систем есть преимущества и перед баллистическими ракетами. Конечно, у современных стратегических баллистических ракет наземного и морского базирования, которые все оснащены ядерными боеголовками, более высокая скорость и подлетное время меньше, чем у ракетно-планирующих аппаратов. Кроме того, от массированного удара баллистическими ракетами защититься невозможно. Однако ракетно-планирующие системы могут оказаться гораздо точнее. Баллистические ракеты используют инерциальную систему наведения (которая в некоторых случаях дополняется астронавигационной системой), что, как правило, обеспечивает им точность попадания в пределах 100–200 метров. Этого вполне достаточно, поскольку они оснащены ядерными боеголовками. В отличие от них ракетно-планирующие системы могут использовать внешние навигационные сигналы (например, поступающие от глобальной системы определения координат), а также иметь средства самонаведения на конечном участке траектории (например, с помощью радиолокационных или электронно-оптических систем).

Но главное, у них разные траектории. Траектории баллистических ракет предсказуемы и доступны для наблюдения, их запуск может быть зафиксирован спутника-

ми системы раннего предупреждения в течение первых нескольких минут полета, а затем подтверждается радарными СПРН за 10–15 минут до падения боеголовок. По меньшей мере теоретически это дает возможность системе противоракетной обороны осуществить перехват ограниченного ракетного удара на среднем или конечном участках траектории или нанести ответно-встречный удар до подрыва боеголовок агрессора.

Пуск ракетно-планирующих систем также обнаруживается с помощью спутников, однако после запуска они входят в атмосферу и летят с гиперзвуковой скоростью на гораздо более низких траекториях, чем МБР или баллистические ракеты морского базирования, причем по непредсказуемым маршрутам. Из-за более низкой траектории полета ракетно-планирующие системы могут оставаться практически невидимыми для РЛС системы предупреждения о ракетном нападении, что значительно сокращает время предупреждения. РЛС СПРН способны увидеть приближающиеся ракетно-планирующие системы лишь за 3–4 минуты до падения боеголовок, а РЛС противовоздушной обороны — менее чем за 3 минуты ³⁶.

Для своевременного обнаружения, сопровождения и перехвата таких ударных средств России пришлось бы существенно модифицировать свои системы раннего предупреждения и управления, а также развернуть достаточное количество новейших средств перехвата (например, системы ПРО «С-500» и «Панцирь-С2»), что сопряжено с большими финансовыми затратами.

Трудности с обнаружением и перехватом являются преимуществом ракетно-планирующих аппаратов, но остается вопрос, будет ли достаточной точность наведения этих средств в неядерном оснащении для поражения защищенных объектов (шахт МБР и командных пунктов). При ударе по наземным мобильным системам потребуются корректировка курса на конечном участке траектории ракеты. Если необходимая для этого информация поступает от спутниковых или авиационных систем, то обороняющаяся сторона может, например, использовать средства радиоэлектронной борьбы для постановки помех средствам спутниковой связи. К тому же потребуются резкое уменьшение скорости ракетно-планирующего аппарата для снятия блокирующего радиосвязь эффекта плазменного шлейфа от трения о воздух. То же самое относится к системам автономного самонаведения на конечном участке траектории (радиолокационного или электронно-оптического), если оно понадобится для обеспечения необходимой точности попадания в цель. Снижение скорости предоставит обороняющейся стороне шанс физического уничтожения ГПБ с помощью систем ПВО ближнего действия.

Наконец, неизвестно, смогут ли США произвести достаточное количество этих дорогостоящих средств (речь идет о сотнях единиц), чтобы создать угрозу российским стратегическим силам сдерживания. Некоторые российские эксперты предполагают, что такие ракеты, пусть и в ограниченном количестве, могут быть использованы для нанесения ударов по важнейшим командным центрам в Московском регионе и по местам нахождения высшего руководства страны. Такие опасения беспочвенны, поскольку российская резервированная система управления стратегическими ядерными силами обладает высокой выживаемостью, а у некоторых из командных центров есть необходимая степень защиты даже от непосредственных поражающих факторов ядерного взрыва, не говоря уже об ударах с применением высокоточного неядерного оружия.

И все же военные и гражданские лица, ответственные за оборону России, обязаны рассматривать худший вариант.

В частности, специфика траектории ракетно-планирующих средств может

затруднить осуществление ответно-встречного удара МБР (пуск ракет в условиях нападения противника остается основной, хотя и не единственной, оперативной концепцией широкомасштабной ядерной войны и критерием для оценки достаточности российских стратегических сил). Наземные РЛС способны обнаружить приближающееся планирующее средство только на конечном участке траектории его полета, что на самом деле слишком поздно для того, чтобы запустить МБР до их поражения противником. В результате нанесение ответно-встречного удара пришлось бы осуществлять исключительно по данным спутников, которые засекли пуск ракетно-планирующих средств, без подтверждения факта нападения наземными РЛС.

Нападение на российские стратегические силы с применением ракетно-планирующих средств было бы гораздо более эффективным, если бы эти системы были оснащены ядерными боевыми частями. Поэтому Москва серьезно обеспокоена возможностью того, что американские ракетно-планирующие системы будут оснащены ядерными боевыми частями, хотя эта концепция в США открыто не обсуждается. Но независимо от того, какими именно боевыми частями будут оснащены ракетно-планирующие системы, их принятие на вооружение и сопряженная с этим угроза российским ядерным силам могут значительно повысить вероятность ядерной войны в случае сигнала ложной тревоги, поступившего от спутников системы ранне-

---

Москва серьезно обеспокоена возможностью того, что ракетно-планирующие системы США будут оснащены ядерными боевыми частями.

го предупреждения. В этом, вероятно, заключается серьезная опасность сплетения обычных и ядерных вооружений, связанная с ракетно-планирующими системами.

Россия принимает ответные меры для отражения угрозы, связанной с гиперзвуковым оружием. Зенитно-ракетный комплекс С-500 нового поколения (который находится в стадии разработки) специально предназначен для прикрытия стратегических ядерных объектов от нападения будущих гиперзвуковых крылатых ракет и ракетно-планирующих систем. Для этого ЗРК С-500 должны быть интегрированы в единую систему управления, связи и информации с космическими и наземными средствами СПРН, а для защиты военно-политического руководства России от баллистических ракет и ракетно-планирующих средств в обычном оснащении осуществляется модернизация Московской системы противоракетной обороны ПРО из А-135 в А-235, производится развертывание зенитно-ракетного комплекса С-400, а в будущем — и системы С-500.

Неядерные кинетические ракеты-перехватчики, предназначенные для противоракетной обороны, также внушают Москве беспокойство. Согласно самой упрощенной логике, США рассчитывали бы, что удар обычными вооружениями уничтожит подавляющую часть российских стратегических сил (по словам Дмитрия Рогозина — 90 %). Оставшаяся часть российских стратегических сил — от 50 до 60 ракет (при условии, что уцелело 10 %) — была бы перехвачена средствами противоракетной обороны США и их союзников, развернутыми в Европе, Азии, на Аляске, в Калифорнии, а в будущем — и в предполагаемом позиционном районе на северо-востоке США. Российские специалисты считают, что в настоящее время у американцев есть больше 300 ракет-перехватчиков, в том числе ракеты-перехватчики наземного базирования на территории США и перехватчики системы высотной зональной обороны на театре военных действий (ТНАОД) в разных районах мира, а также зенитные управляемые ракеты «Стандард-3», размещенные в Европе и на боевых кораблях. К 2020 году ожидается, что их количество превысит 1000 единиц³⁷. Еще большую проблему представляет то обстоятельство, что хотя американская система ПРО была бы не в состоянии остановить российский массированный удар с применением баллистических ракет, эта система позволила бы предотвратить избирательные или ограниченные стратегические удары, которые могли бы стать российским ответом на воздушно-космическое нападение с применением обычных вооружений. Для преодоления такой обороны могут использоваться перспективные российские ракетно-планирующие системы в обычном или ядерном оснащении, что будет еще сильнее размывать грань между обычными и ядерными вооружениями и увеличит риск их переплетения.

Пока у России гораздо меньше возможностей нанести неядерные удары по стратегическим объектам США, чем у США — нанести такие удары по аналогичным российским пунктам. Российские удары главным образом опасны для союзников США в Европе и Азии, включая хранилища тактического ядерного оружия США, компоненты противоракетной обороны (в том числе РЛС и пусковые установки), важнейшие промышленные объекты и, возможно, стратегические силы Великобритании и Франции (главным образом подводные лодки на базах и самолеты на аэродромах).

Российским тяжелым бомбардировщикам, многоцелевым атомным подводным лодкам и надводным кораблям — средствам доставки неядерных высокоточных крылатых ракет — было бы трудно прорвать оборону США и их союзников, хотя возможны избирательные удары по РЛС на территории Великобритании, Гренландии и Аляски (которые отвечают за предупреждение о ракетной атаке и поддержку сил противоракетной обороны), а также по некоторым другим стратегическим объектам. С гиперзвуковыми ракетно-планирующими системами у России было бы больше шансов нанести ущерб противнику. Если бы эти системы были оснащены неядерными боеголовками, возникла бы ситуация дополнительного сплетения обычных и ядерных вооружений, способная запустить эскалацию конфликта в ядерную войну.

ПРОТИВОКОСМИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА И СПЛЕТЕНИЯ ОБЫЧНЫХ И ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ

Угрозу переплетения обычных и ядерных вооружений создадут не только высокоточные обычные виды оружия. Не менее опасно в этом отношении использование в ходе локальной или широкомасштабной обычной войны противоспутниковых средств с неядерными боевыми частями против космических аппаратов (КА), относящихся к стратегической системе управления, связи и информации.

Военные спутники размещаются на всех видах орбит. На низких орбитах сосредоточено 25 % военных спутников (включая большое количество спутников информационного обеспечения, управления и разведки), на средних — еще 20 % (включая навигационные спутники), а на высокоэллиптических и геостационарных орбитах — оставшиеся 55 %, включая спутники системы раннего предупреждения и спутники оперативно-стратегической связи. Подавляющее большинство космических летательных аппаратов принадлежит США, и эта страна выделяет на военные

космические программы значительно больше денег, чем все остальные государства, обладающие космическими технологиями, вместе взятые ³⁸.

Космические системы стали неотъемлемой частью боевого потенциала самых могущественных стран мира. Вести без них войну в современных условиях было бы практически невозможно или малоэффективно. Наибольший вклад в эффективность боевых действий вносят космические системы управления и информационного обеспечения.

ВОЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ США И РОССИИ

Противоспутниковые программы США. Масштабные разработки в области противоспутниковых систем (ПСС) были начаты Соединенными Штатами в 1957 году, и уже в 1963 году были созданы и поставлены на боевое дежурство на двух тихоокеанских островах перехватчики космических аппаратов на основе ракет «Найк-Зевс» и «Тор» с ядерными боевыми частями (БЧ). В 1974 году эти системы перехвата были сняты с вооружения и законсервированы.

В 1977 году США стали уделять больше внимания разработке противоспутниковых вооружений, в том числе разработке противоспутникового комплекса «МАЛС» (MALS), предусматривающего запуск с истребителя F-15 ракеты с миниатюрным перехватчиком «МХВ» (MHV) и ударно-кинетическое поражение спутника прямым попаданием на высотах до 1000 км. В 1984–1986 годах эта противоспутниковая система прошла летные испытания с поражением реальной цели в космосе. По мнению советских специалистов, этот комплекс мог бы в течение 1–1,5 суток поразить до трех космических аппаратов, функционирующих на низких орбитах. В 1988 году работы по программе противоспутникового комплекса «МАЛС» были прекращены. Москва полагает, что для того, чтобы привести этот комплекс в состояние боевой готовности, сегодня понадобилось бы несколько месяцев.

В 1989 году были предприняты шаги по созданию противоспутниковой системы наземного базирования. Эта система была представлена в США как проект «экологически чистого» перехватчика — якобы он снижает образование осколков на орбите после поражения спутника до минимального уровня. По мнению советского руководства, эта ПСС могла бы уничтожить все низкоорбитальные спутники военного назначения в течение недели. Эта противоспутниковая система так и не была развернута, хотя США произвели три боевые части. В начале 2000-х годов финансирование проекта закончилось.

США также проводили эксперименты с использованием наземного комплекса с лазерным оружием на базе действующего противоспутникового лазера «МИРАКЛ» (Mid-Infrared Advanced Chemical Laser). Лазер входит в состав лазерного испытательного стенда, размещенного на полигоне Уайт-Сэндс армии США в штате Нью-Мексико. В октябре 1997 года этот комплекс был использован в натуральных экспериментах, которые, согласно имеющимся сведениям, показали, что энергия лазера способна вывести из строя сенсорные устройства спутника, находящегося на высоте 420 км³⁹.

Интерес к противоспутниковым системам возродился, когда президентом стал Дж. Буш. Было выделено финансирование на разработку легких лазеров, в том числе таких, которые могут быть развернуты в космическом пространстве. Кроме того, работы в области противоракетной обороны, которые активизировались при администрации Дж. Буша, обеспечили Соединенным Штатам потенциал противоспутниковых средств, хотя Вашингтон и не признает факт проведения разработок в этой области. Например, комплекс лазерного оружия воздушного базирования (КЛО ВБ), который включал мощный лазер, установленный на самолете Boeing 747, и был предназначен для перехвата баллистических ракет на их разгонном участке, мог бы применяться для нанесения удара по спутникам. Этот комплекс успешно прошел испытания на поражение баллистических ракет в различных ситуациях, хотя в 2011 году США отказались от продолжения его разработки. В контексте противоспутниковых операций наиболее значительным средством противоракетной обороны США является американская зенитная управляемая ракета «Стандард-3», которая развернута на различных кораблях американских ВМС в качестве элемента модифицированной противоракетной (противоспутниковой) системы морского базирования Aegis («Иджис»). В 2008 году одна из таких ракет была использована для уничтожения спутника США, который не реагировал на сигналы с Земли и двигался по сходящей орбите, что, по заявлениям официальных лиц США, представляло угрозу безопасности на Земле.

Противоспутниковые программы и средства СССР/России. В Советском Союзе уничтожение космических систем противника еще с 1960-х годов рассматривалось как вполне естественная и законная задача возможной глобальной ядерной войны⁴⁰. Для этого по мере появления технологических и финансовых возможностей создавались системы радиоэлектронного противодействия (РЭП) и антиракеты.

Прежде всего, это наземная противоспутниковая система «ИС» («Истребитель спутников»), которая предназначалась для ударно-кинетического поражения кос-

мических аппаратов на низкой околоземной орбите. Все основные элементы этого комплекса были созданы к 1967 году, и задача перехвата впервые была успешно выполнена 1 ноября 1968 года. В феврале 1973 года комплекс «ИС» был принят в опытную эксплуатацию на космодроме Байконур. Этот комплекс мог обеспечить

Возрождение интереса России к космическому оружию было вызвано политикой администрации Буша по милитаризации космоса.

поражение космических аппаратов на высоте от 250 до 1000 км. Впоследствии он был модернизирован, высота перехвата увеличена, и в 1978 году под индексом «ИС-М» комплекс был принят на вооружение.

В апреле 1980 года Советский Союз возобновил испытания этой противоспутниковой системы (под индексом «ИС-МУ»). Всего проведено более 20 натуральных экспериментов, из них 25 % по реальным мишеням. Последнее испытание системы состоялось 18 июня 1982 года⁴¹. Комплекс «ИС-МУ» оставался на вооружении вплоть до 1993 года, пока его не снял своим указом президент России Борис Ельцин⁴². Комплекс был предназначен для перехвата спутников противника менее чем за один орбитальный оборот после пуска, что не позволило бы США осуществлять проводку спутника с использованием наземных РЛС и таким образом совершить противоракетный маневр. Наибольшую угрозу этот комплекс представлял для американских «спутников-шпионов» типа КН-11⁴³.

Советский Союз проводил разработку и других противоспутниковых систем. Вплоть до начала 90-х годов разрабатывалась авиационно-ракетная система «Контакт», аналогичная американскому противоспутниковому комплексу «МАЛС». В качестве носителей этой системы предполагалось использовать истребители-перехватчики типа МиГ-31, но в связи с прекращением финансирования испытания не были завершены. Если бы система была принята на вооружение, она могла бы осуществлять перехват всех низкоорбитальных спутников, пролетающих над территорией Центральной России.

В августе 1983 года СССР взял на себя обязательства не выводить первым в космическое пространство какие-либо виды оружия на все то «время, пока другие государства будут воздерживаться от вывода в космос противоспутникового оружия любых видов»⁴⁴. Однако это не остановило наиболее многообещающие и перспективные научные исследования и разработки: создание орбитальных противоспутниковых станций

«Каскад» и «Скиф» с ракетным и лазерным оружием. Решение о разработке этих станций было принято в конце 1970-х годов. В 1985–1986 годах предполагалось провести летные испытания противоспутниковых ракет, однако это не было сделано (возможно, из-за возражений Михаила Горбачева, связанных с политическими и экономическими соображениями), а орбитальные станции так и не были развернуты.

Масштабная активизация разработки противоспутникового оружия произошла в СССР в начале 1980-х годов в ответ на американскую программу Стратегической оборонной инициативы (СОИ). В 1985 году все советские программы стратегических разработок были переориентированы на противодействие американской космической системе противоракетной обороны, включая разработку сил и средств для прямого поражения этой системы (наряду с повышением возможностей баллистических ракет по преодолению системы противоракетной обороны и разработкой советского аналога космической системы противоракетной обороны)⁴⁵. Программа СК-1000, получившая название «Многоцелевая боевая космическая система», включала в себя более 20 опытно-конструкторских работ (ОКР) по ударным космическим системам и примерно такое же количество ОКР по информационному обеспечению действия боевых космических и наземных систем. Один из этих проектов — «Наряд-В», рассчитанный на поражение космических аппаратов перехватчиком, который выводится на орбиту баллистической ракетой типа УР-100Н и УР-100Н УТТХ (SS-19), запускаемой из ШПУ, — закончился на промежуточном этапе летных испытаний.

Возрождение интереса к космическому оружию произошло в первом десятилетии нового века. Оно было вызвано весьма агрессивной политикой администрации Дж. Буша по милитаризации космоса, ее военными программами в этой сфере и отказом обсуждать любые предложения об ограничении космических вооружений. В силу того, что официальная военная информация традиционно является закрытой (и ее секретность продолжает расти), о российских работах в области противоспутникового оружия можно судить только по данным независимых источников. Редкое исключение из этого правила — интервью заместителя министра обороны РФ генерала армии Владимира Поповкина от 2009 года⁴⁶, после которого уже не было официальных заявлений по данному вопросу.

По словам Поповкина, чтобы не осложнять политическую обстановку в мире, Россия действует по принципу «кубиков лего» — отдельные компоненты системы разрабатываются и совершенствуются, но собраны в боевую систему будут только при явной угрозе со стороны противника. Поповкин также изложил подробности ряда конкретных программ и разработок:

- Модернизируются системы управления и информационного обеспечения в контексте развития воздушно-космической обороны (ВКО) и контроля космического пространства (ККП), включая их оснащение новыми вычислительными комплексами и системами отображения информации.
- Повышается уровень космической ситуационной осведомленности российского военного руководства. Совершенствуются и модернизируются программы орбитальных станций ОС-1 и ОС-2 и всей системы наземных станций СПРН. Устаревшие РЛС последовательно заменяются по периметру территории России и в районе Красноярска на новые и более эффективные станции типа «Воронеж». (РЛС дальнего обнаружения ракет применяются не только для обнаружения и отслеживания баллистических ракет в полете, но и для сопровождения космических летательных аппаратов.)
- Несмотря на то что в 1993 году комплекс ПКО «ИС-МУ» был снят с вооружения, для этой системы сохраняются и поддерживаются в работоспособном состоянии наземный командно-вычислительный и измерительный пункт и специальная стартовая площадка на полигоне Байконур.
- Хотя работы по противоспутниковому авиационно-ракетному комплексу авиационного базирования «Контакт» были остановлены в 1995 году, модернизация и совершенствование всех элементов этого комплекса — пункта управления, наземной системы опознавания и наведения «Крона», истребителя-перехватчика МиГ-31 и ракеты дальнего действия — не прекращались. На 2012 год было запланировано развертывание второго комплекса распознавания космических объектов «Крона» на территории российского Дальнего Востока с целью мониторинга и радионаблюдения за пусками спутников с военно-воздушной базы Ванденберг, расположенной на Западном побережье США.
- Продолжает разрабатываться комплекс «ИС-МД» для перехвата спутников на геостационарной орбите (на базе комплекса ПКО «ИС-МУ»). Один из компонентов системы — комплекс «Окно», предназначенный для слежения за космическими аппаратами, — был принят на вооружение и размещен в Таджикистане. Этот комплекс определяет координаты спутников на геостационарной орбите и способен выдать целеуказание на перехват. Второй комплекс строился в Приморье, и после его ввода в строй эта система будет перекрывать всю приэкваториальную зону небесной сферы, видимую с территории России.

- Также сохранен технический задел по ракетно-космическим комплексам «Наряд-ВН» и «Наряд-ВР».
- В корпорации «Алмаз-Антей» осуществляется программа разработки и испытаний опытного образца лазерного комплекса авиационного базирования для противодействия американским разведывательным спутникам, которые используются для обнаружения пуска баллистических ракет, а также их сопровождения.
- В зенитные ракетные комплексы С-400 и С-500 также закладываются возможности поражения КА на низких околоземных орбитах, как и в новую систему неядерного дальнего перехвата «Нудоль» обновленной системы ПРО Московского района А-235.

РОССИЙСКАЯ ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СПЛЕТЕНИЕ ОБЫЧНЫХ И ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ

В последние годы в российском стратегическом сообществе все большее внимание уделяется космосу как новой и критически важной сфере вооруженной борьбы, в которой Россия должна обеспечить свое технологическое и стратегическое присутствие. Специальные публикации по этой теме постоянно ссылаются на угрожающий характер американских планов и систем вооружения. Например, в 2008 году аналитики, тесно связанные с официальными кругами, утверждали, что «[космическая] политика США и их союзников — прежде всего стран НАТО — недвусмысленно направлена на достижение стратегического военного превосходства над Россией и прочими странами, а также на снижение ее потенциала ядерного сдерживания. Причем это не тенденция, а закономерность, которая не зависит от разногласий идеологического характера»⁴⁷.

Однако, в отличие от советских времен, теперь противоспутниковое оружие имеет важное значение не только для стратегии глобальной ядерной войны, но и в контексте неядерных конфликтов. По мнению российского военно-политического руководства, в таких конфликтах у США и НАТО будет превосходство в высокоточных неядерных вооружениях большой дальности. Однако эффективность этих вооружений зависит от средств космического базирования, относящихся к системе управления, связи и информации, что создает уязвимость, которой должна воспользоваться Россия.

Такая логика прослеживается в многочисленных специальных публикациях военных экспертов. В одном из них, например, отмечается: «В настоящее время можно с полным основанием утверждать, что сформировалась новая сфера вооруженной борьбы — космический ТВД. При этом важность и значимость этой сферы постоянно возрастают, а ее особенности обуславливают все возрастающую зависимость эффективности вооруженной борьбы на суше, море и в воздухе от эффективности боевого применения и возможностей космических вооружений»⁴⁸.

Аналогичным образом в другой публикации указывалось, что «широкое использование и возрастание значимости космических систем для жизнедеятельности и обороноспособности государств делает их весьма привлекательными целями, уничтожение которых становится решающим фактором успеха в случае вооруженного конфликта. В этом отношении противоспутниковые средства можно рассматривать как специально создаваемые для поражения космических объектов информационно-разведывательной инфраструктуры другого государства, имеющей одно из ключевых значений в обеспечении его централизованной системы боевого управления»⁴⁹.

Наиболее подробное описание взглядов и мнений российских специалистов по военно-космической проблематике представлено высказываниями специалистов проектного бюро «Вымпел», занимающегося разработкой противоспутникового оружия:

«Принимая во внимание, что эффективность современных вооружений все больше зависит от объектов, выведенных в космос, огромных издержек, сопряженных с современными многоцелевыми космическими системами, их роли и места в мировой экономике и относительной уязвимости от враждебных действий, угроза нападения на космические системы противника может рассматриваться как дополнительное и даже во многих ситуациях решающее средство сдерживания потенциальных агрессоров. Очевидными преимуществами создания сдерживающего фактора, основанного на системах вооружения, которые способны поражать космические спутники, являются теоретическая возможность их применения в конфликтах разного уровня, а также возможность их использования для нанесения решающего удара по противнику, не нанося ущерба гражданскому населению... Учитывая динамику развития военно-политической ситуации, общую тенденцию милитаризации космоса и его превращения в ключевой независимый театр военных действий, потенциальное развитие систем вооружений ведущими государствами и их особое внимание к вопросам военной политики, а также наличие противоспутникового оружия в США и в Китае, необходимо оперативно проработать и принять стратегические решения по целому ряду вопросов, связанных с космической обороной (меры по противо-

действию системам оружия космического базирования, развернутым противоположной стороной), включая вопросы приоритетного финансирования разработок в этой области»⁵⁰.

Россия также обеспокоена угрозой ее собственным спутникам. Однако неясно, насколько сформулированная в российской Военной доктрине возможность применения ядерного оружия в ответ на неядерное нападение в условиях, «когда существование государства находится под угрозой», применима в случае ударов по космическим системам информации и связи. Тем не менее сочетание Военной доктрины и новейших технологических разработок создает высокую вероятность сплетения обычных и ядерных вооружений.

Спутники наблюдения, а также связи и навигации, вероятно, будут считаться законными целями в радиоэлектронной борьбе или для физического поражения уже на ранних стадиях гипотетического неядерного конфликта между Россией и США/НАТО. Наиболее вероятными целями стали бы разведывательные спутники на низкой околоземной орбите. Если бы стороны развернули противоспутниковое оружие с необходимыми техническими характеристиками, то спутники на более высоких орбитах также были бы подвержены риску. К ним относятся навигационные спутники на средневысотной орбите: российская система ГЛОНАСС (серия «Космос») и группировка США «НАВСТАР» (NAVSTAR) (которая обеспечивает функционирование глобальной системы позиционирования). Кроме того, могут стать уязвимы спутники связи на геостационарных и высокоэллиптических орбитах, в том числе американская система «МИЛСТАР» (MILSTAR) и комплексы современных высокочастотных спутников в составе АЕНФ (военная спутниковая ретрансляционная система связи стратегического и тактического назначения), а также российские космические аппараты Интегрированной системы спутниковой связи (ИССС) «Меридиан», «Радуга» и перспективная система «Сфера-В»⁵¹. Действительно, в своем интервью в 2009 году генерал армии Поповкин заявил, что противоспутниковые комплексы «Наряд-ВН» и «Наряд-ВР» способны поразить геостационарные и другие высокоорбитальные объекты.

Сплетение обычных и ядерных вооружений здесь возникает из-за того, что некоторые из этих спутников одновременно обслуживают стратегические ядерные силы Соединенных Штатов или России. Их уничтожение чревато немедленной эскалацией военных действий до уровня ядерного столкновения, особенно с учетом того, что стратегические силы, вероятно, будут находиться в высшей степени боеготовности даже в случае локального вооруженного конфликта. В частности, спутники связи имеют важное значение для управления ракетными подводными лодками в море

и бомбардировщиками в ходе воздушного патрулирования, особенно в условиях кризиса или локальной войны, когда будет сосредоточено максимально возможное количество подводных лодок и самолетов.

С точки зрения сплетения обычных и ядерных вооружений удары по спутникам раннего предупреждения могут оказаться наиболее опасными. Такие спутники расположены на геостационарных или высокоэллиптических орбитах. В настоящий момент в России есть только два действующих спутника раннего предупреждения нового класса «Тундра», но в рамках государственных программ вооружений с 2020 по 2025 год планируется развернуть дополнительные спутники этого класса для «Единой космической системы» обнаружения пусков баллистических ракет⁵². В то же время Соединенные Штаты заменяют свои старые спутники СПРН разработанными для программы обеспечения ПРО новыми спутниками инфракрасной системы космического базирования «СБИРС» (SBIRS).

Эти спутники, вероятно, не пострадают от противоспутниковых операций в условиях неядерной войны. Однако для достижения желаемого эффекта селективные стратегические ядерные или неядерные удары должны были бы преодолеть систему противоракетной обороны противника, что может потребовать в числе прочих методов нейтрализации спутников раннего предупреждения на геостационарной и высокоэллиптической орбитах.

Поскольку российские МБР будут готовы по сигналу предупреждения к нанесению ответно-встречного удара, потеря спутников раннего предупреждения может быть расценена как предвестник контрсилового удара и спровоцировать пуск этих ракет, хотя в рамках стандартных процедур фактический пуск предполагает подтверждение факта нападения наземными РЛС дальнего обнаружения. Если бы наземные РЛС вдоль границ России также подверглись одновременному удару, опасность была бы еще серьезней.

Россия считает, что США понимают все последствия нападения на российские спутники раннего предупреждения и что Вашингтон так же отреагировал бы на подобный удар по своим спутникам раннего предупреждения о пусках ракет. Логика ограниченных стратегических ударов, какой бы сомнительной она ни была, подразумевает сохранение спутников раннего предупреждения каждой из сторон-участниц, чтобы как можно дольше не обмениваться массированными ядерными ударами. Однако, поскольку спутники связи двойного назначения, которые также находятся на геостационарной орбите, считались бы законными целями в противоспутниковой

войне, даже в случае локального или регионального обычного конфликта высока вероятность того, что несколько спутников раннего предупреждения будут непреднамеренно уничтожены со всеми вытекающими последствиями. Это еще одна форма сплетения обычных и ядерных вооружений, что служит аргументом против искусственных и опасных концепций селективных стратегических ядерных ударов, которые снижают ядерный порог.

Удары по спутникам раннего предупреждения окажутся особенно опасными, если будут развернуты гиперзвуковые ракетно-планирующие системы, поскольку их обнаружение и сопровождение с использованием наземных РЛС сопряжены с определенными трудностями. Фактически вывод из строя космической системы раннего предупреждения о ракетном нападении сделает его «слепым» при нападении с использованием гиперзвукового оружия.

В целом удары по спутникам раннего предупреждения, вероятно, считаются в Москве более опасными, чем удары по объектам космической системы связи. Россия в меньшей мере полагается на спутники связи, чем Соединенные Штаты, поскольку наиболее вероятные театры военных действий находятся вблизи ее территории и ее сухопутные войска, а не флот, скорее всего, будут играть главную роль в операциях на этих ТВД. (Российская операция в Сирии, безусловно, является исключением, но она никогда не считалась военной акцией против Соединенных Штатов или ее основных союзников.) В то же время, поскольку основной компонент стратегических сил России представлен МБР шахтного базирования с разделяющимися головными частями, Россия гораздо больше, чем Соединенные Штаты, полагается на ответно-встречный удар, а эту стратегию невозможно реализовать без спутников раннего предупреждения.

ВЫВОДЫ

Политические лидеры как в Вашингтоне, так и в Москве должны регулярно получать информацию об опасности сплетения обычных и ядерных вооружений, и они должны быть подготовлены к изложенным выше сценариям. Им следует учитывать, что новые виды вооружений и связанные с ними оперативные концепции играют потенциально дестабилизирующую роль, создают угрозу сплетения обычных и ядерных вооружений и порождают риск стремительной неконтролируемой эскалации к глобальной ядерной катастрофе. Предотвращение этой угрозы потребует от политического и военного руководства каждой из двух стран не только стратеги-

ческих и (в разумных пределах) технических знаний, но также политической воли и дипломатических усилий. Пока из официальных заявлений и неподготовленных комментариев высших руководителей двух сверхдержав нельзя заключить, что все это имеется в достаточном объеме.

Двусторонний контроль над стратегическими вооружениями, если он когда-либо будет восстановлен, мог бы открыть путь к снижению риска, который создают ракетно-планирующие системы. Правила подсчета средств доставки и боеголовок в последующем за СНВ-3 соглашении могли бы быть применены к межконтинентальным ракетно-планирующим системам (НГВ-2, АНВ и проект «Авангард»), независимо от того, какими боеголовками они оснащены — обычными или ядерными. Если бы их число было ограничено, Москва бы меньше опасалась того, что эти системы могут быть использованы для неядерного контрсилового удара — возможность такого удара ставит под угрозу безопасность страны и даже в мирное время может политически обесценить ядерный потенциал России — неотъемлемый атрибут ее статуса глобального центра силы.

Ракетно-планирующие системы наземного базирования средней или промежуточной дальности должны быть запрещены через расширение положений Договора 1987 года между СССР и США о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД).

Реальную или воображаемую угрозу контрсилового удара с применением неядерных крылатых ракет морского и воздушного базирования можно было бы устранить с помощью соглашений о расширении мер доверия и транспарентности, которые препятствовали бы тайному сосредоточению военно-морских сил и авиации в пределах досягаемости до стратегических целей другой стороны. В соответствии с такими соглашениями передислокация американских самолетов и надводных кораблей в места передового базирования, а также выход из баз большего, чем обычно, числа подводных лодок с крылатыми ракетами должны предвлекать уведомления и разъяснения задач таких действий. В случае отсутствия уведомления и заслуживающего доверия объяснения эти операции будут расценены Россией как предупреждение о потенциальной угрозе. Тогда Москва может привести свои наступательные и оборонительные силы в высшую степень готовности и тем самым уменьшить шансы на успех внезапного удара противника.

Если бы опасения России по поводу ракетно-планирующих систем и неядерных крылатых ракет были сняты на основе таких договоренностей, российские Воздушно-космические силы могли бы быть в определенной мере переориентированы с за-

дач отражения достаточно неопределенной угрозы «воздушно-космического нападения» на реальную опасность ограниченных ракетно-ядерных и воздушных ударов по городам и промышленным центрам, которая исходит от третьих стран и террористов. В этом случае идея совместной разработки и эксплуатации оборонительных систем США и России обрела бы второе дыхание.

Если говорить о рисках сплетения обычных и ядерных вооружений в связи с потенциалом противоспутникового оружия, то обнадеживает здесь только то, что в настоящее время ни Соединенные Штаты, ни Россия не развертывают специализированные виды противоспутникового оружия. Существующие противоспутниковые средства представлены системами двойного назначения. К ним относятся американские ракеты-перехватчики «Стандард-3» и «ГБИ» (GBI) системы ПРО США, а также российские комплексы противовоздушной и противоракетной обороны С-400, С-500 и средства ПРО «Нудоль» А-235. Прочие противоспутниковые средства законсервированы или находятся на разных этапах проведения НИОКР. Это означает, что все еще остается шанс обсудить реалистичные и проверяемые ограничения на испытания и, следовательно, на развертывание специализированного противоспутникового оружия.

Ключевые космические средства системы управления, связи и информации ядерных сил, в частности спутники системы раннего предупреждения и связи, находятся на геостационарных или высокоэллиптических орбитах, и, вероятно, им могут угрожать только специализированные противоспутниковые вооружения (системы ПВО и ПРО двойного назначения едва ли способны поражать цели на этих орбитах). Поэтому соглашение, которое обеспечивало бы безопасность ключевых спутников системы управления, связи и информации ядерных сил, было бы полезным для снижения хотя бы одного опасного аспекта сплетения обычных и ядерных вооружений, даже если бы это соглашение не уменьшило угрозу низкоорбитальным спутникам со стороны систем ПРО двойного назначения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Von Clausewitz C.* On War / Edited and translated by Michael Howard and Peter Paret. — Princeton: Princeton University Press, 1976. — P. 87.
2. Одно из немногочисленных исключений — официальный российский документ, озаглавленный «Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.», в котором упомянута такая возможность. См.: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248
3. Воздушно-космические силы РФ приступили к службе. — Интерфакс. — 3 августа 2015 года // <http://www.interfax.ru/russia/457604>; Воздушно-космические силы. — Министерство обороны Российской Федерации (по состоянию на 13 октября 2017 года) // <http://structure.mil.ru/structure/forces/vks.htm>
4. Военная доктрина Российской Федерации. — Официальные сетевые ресурсы президента Российской Федерации В. В. Путина. — 26 декабря 2014 года // <http://kremlin.ru/events/president/news/47334>
5. *Демин А. и др.* Серьезной угрозе — адекватный ответ. Основной сферой вооруженной борьбы станет воздушно-космическое пространство. — Воздушно-космическая оборона. — 13 августа 2012 года // <http://www.vko.ru/strategiya/sereznoy-ugroze-adekvatnyy-otvet>
6. *Кривицкий Ю.* Научно-концептуальный подход к организации ВКО России. — Воздушно-космическая оборона. — 19 февраля 2013 года // <http://www.vko.ru/konceptcii/nauchno-konceptualnyy-podhod-k-organizacii-vko-rossii>
7. Там же.
8. *Баскаков В.* Космические войска как гарантия обороны страны. — Независимое военное обозрение. — 1 октября 2004 года // http://nvo.ng.ru/concepts/2004-10-01/4_cosmos.html
9. *Демин и др.* Серьезной угрозе — адекватный ответ.
10. Каждый пятый рубль — на воздушно-космическую оборону. — Военно-промышленный курьер. — 21 февраля 2012 года // <http://vpk-news.ru/news/403>
11. *Путин В.* Быть сильным: гарантии национальной безопасности для России. — Архив официального сайта премьер-министра Российской Федерации: 2008–2012 годы. — 20 февраля 2012 года // <http://archive.premier.gov.ru/eng/events/news/18185/>
12. Расчет сделан, исходя из того, что один полк обычно состоит из 2 дивизионов, каждый из которых имеет 8 пусковых установок и на каждой из них стоит по 4 контейнера с зенитными ракетами. Для оценки запасного арсенала ракет данных нет.
13. *Арбатов А.* Совместная ПРО никак не получается. — Независимое военное обозрение. — 17 июня 2011 года // http://nvo.ng.ru/concepts/2011-06-17/1_pro.html
14. *Кривицкий Ю.* Научно-концептуальный подход к организации ВКО России.
15. *Мясников В.* Противоракетная и противовоздушная оборона России будет лучшей в мире. — Независимое военное обозрение. — 12 декабря 2014 года // http://nvo.ng.ru/armament/2014-12-12/1_oborona.html
16. Производство баллистических ракет отстает от графика. — Независимое военное обозрение. — 27 января 2017 года // http://nvo.ng.ru/armament/2017-01-27/2_934_red.html
17. *Суханов С.* ВКО — это задача, а не система. — Воздушно-космическая оборона. — 29 марта 2010 года // <http://www.vko.ru/konceptcii/vko-eto-zadacha-ne-sistema>
18. В Совете Федерации пообещали дать военный ответ на размещение системы ПРО США в Румынии и Польше. — Интерфакс. — 12 мая 2016 года // <http://www.interfax.ru/russia/507970>

19. Актуальные задачи развития Вооруженных сил Российской Федерации. — Министерство обороны. — 2003; *Сивков К.* Право на удар. — Военно-промышленный курьер. — 3 марта 2014 года // <http://vpk-news.ru/articles/19370>; *Бойцов М.* Терминология в военной доктрине. — Независимое военное обозрение. — 31 октября 2014 года // http://nvo.ng.ru/concepts/2014-10-31/10_doctrina.html; *Lerman D., Atlas T.* Russia's 'Saber-Rattling' Threatens Stability, U. S. Says. — Bloomberg. — June 25, 2015 // <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-06-25/russia-s-nuclear-saber-rattling-threatens-stability-u-s-says>
20. Военная доктрина Российской Федерации.
21. *Ахмеров Д., Ахмеров Е., Валеев М.* Аэростат — друг «Сармата». — Военно-промышленный курьер. — 12 октября 2016 года // <http://vpk-news.ru/articles/32887>
22. *Kimball D. G.* World War III? Into Uncharted Territory, Trump's Authority to Use Nuclear Weapons: 'Let It Be an Arms Race. We Will Outmatch Them... and Outlast Them All'. — Global Research. — February 4, 2017 // <http://www.globalresearch.ca/world-war-iii-trumps-authority-to-use-nuclear-weapons-let-it-be-an-arms-race-we-will-outmatch-them-and-outlast-them-all/5572887>; *Legvold R.* The Challenges of the New Nuclear Age in the 21st Century World (Dis)Order. — The Multipolar Nuclear World: Challenges and Opportunities / Edited by Alexei Arbatov and Vladimir Dvorkin. — Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, forthcoming; *Donnelly J. M.* Pentagon Panel Urges Trump Team to Expand Nuclear Options. — Roll Call. — February 2, 2017 // <http://www.rollcall.com/news/policy/pentagon-panel-urges-trump-team-expand-nuclear-options>
23. *Путин В.* Выступление на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай». — Официальные сетевые ресурсы президента Российской Федерации В. В. Путина. — 22 октября 2015 года // <http://kremlin.ru/events/president/news/50548>
24. *Путин В.* Выступление на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай». — Официальные сетевые ресурсы президента Российской Федерации В. В. Путина. — 24 октября 2014 года // <http://kremlin.ru/events/president/news/46860>
25. Текст выступления Дмитрия Рогозина на пресс-конференции. — Российская газета. — 28 июня 2013 года // <https://rg.ru/2013/06/28/doklad.html>
26. *Мясников.* Противоракетная и противовоздушная оборона России будет лучшей в мире.
27. *Мясников Е.* Воздушно-космическая угроза России. — Противоракетная оборона: конфронтация и сотрудничество / Под ред. Алексея Арбатова, Владимира Дворкина и Натальи Бубновой. — М.: Фонд Карнеги за Международный Мир, 2013. — С. 121–146.
28. Сергей Шойгу: за три года Россия увеличит количество крылатых ракет в пять раз. — ТАСС. — 5 июля 2013 года // <http://tass.ru/arhiv/629786>
29. Военная доктрина Российской Федерации.
30. *Райгородецкий А.* Проект МБР «Альбатрос» (СССР). — Псы войны. — 15 августа 2011 года // <http://www.dogswar.ru/oryjeinaia-ekzotika/raketnoe-oryjie/4945-proekt-mbr-qalbatros.html>; *Рамм А., Корнеев Д.* Альбатрос мировой революции, часть 1. — Военно-промышленный курьер. — 23 сентября 2015 года // <http://www.vpk-news.ru/articles/27160>; *Рамм А., Корнеев Д.* Гиперсмерть на подходе. — Военно-промышленный курьер. — 25 марта 2015 года // <http://www.vpk-news.ru/articles/24407>
31. *Райгородецкий.* Проект МБР «Альбатрос» (СССР).
32. Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г., Москва. // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>. Производство баллистических ракет отстает от графика. — Независимое военное обозрение. — 27 января 2017 года // http://nvo.ng.ru/armament/2017-01-27/2_934_red.html
33. Военная доктрина Российской Федерации.

34. *Рамм, Корнеев*. Гиперсмерть на подходе.
35. *Ахмеров Д., Ахмеров Е., Валеев М.* По-быстрому не получится. — Военно-промышленный курьер. — 21 октября 2015 года // <http://vpk-news.ru/articles/27617>
36. *Acton J. M.* Silver Bullet? Asking the Right Questions About Conventional Prompt Global Strike. — Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2013. — P. 33–63.
37. Брифинг генерал-лейтенанта Виктора Познихира, заместителя начальника Главного оперативного управления ГШ, на VI Московской конференции по международной безопасности. — 26–27 апреля 2017 года.
38. *Luxton E.* Which Countries Spend the Most on Space Exploration? — World Economic Forum. — January 11, 2016 // <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/which-countries-spend-the-most-on-space-exploration/>
39. *Molchanov B.* The Militarization of Space and Space Weapons. — Nuclear Proliferation: New Technologies, Weapons, Treaties / Edited by Alexei Arbatov and Vladimir Dvorkin. — Washington DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2009. — P. 160–185.
40. *Dvorkin V.* Space Weapons Programs. — Outer Space: Weapons, Diplomacy, and Security / Edited by Alexei Arbatov and Vladimir Dvorkin. — Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2010. — P. 30–45.
41. *Molchanov.* The Militarization of Space and Space Weapons; *Тарасенко М.* Военные аспекты советской космонавтики. — М.: ТОО «Николь», Агентство Российской печати, 1992.
42. Энциклопедия XX века: оружие и технологии России / Под редакцией С. Иванова. Том 5. Космические средства вооружения. — М.: Оружие и технологии, 2002.
43. Россия разрабатывает противоспутниковое оружие — Минобороны. — РИА «Новости». — 5 марта 2009 года // https://ria.ru/defense_safety/20090305/163953438.html; *Хороших А.* Кас.: Противокосмическая оборона. — Астрофорум. — 13 декабря 2009 года // <http://www.astronomy.ru/forum/index.php/topic,69231.msg1108417.html#msg1108417>
44. *Черкас С.* Современные политико-правовые проблемы военно-космической деятельности и основы методологии их исследования. — М., 1995.
45. *Podvig P.* The Window of Vulnerability That Wasn't: Soviet Military Buildup in the 1970s. A Research Note. — International Security 33. № 1. 2008. — P. 118–138.
46. Россия разрабатывает противоспутниковое оружие — Минобороны. — РИА «Новости».
47. *Суханов С., Гринько В., Смирнов В.* Космос в вопросах вооруженной борьбы. — Национальная оборона. № 7 (июль). 2008. — С. 41.
48. *Долгов В., Подгорных Ю.* Господство в космосе — победа на земле. — Воздушно-космическая оборона. — 8 июня 2014 года // <http://www.vko.ru/strategiya/gospodstvo-v-kosmose-pobeda-na-zemle>
49. *Буржинский Е.* Космос: новый ТВД или сфера сотрудничества. — Независимое военное обозрение. — 10 апреля 2009 года // http://nvo.ng.ru/armament/2009-04-10/1_space.html
50. *Суханов, Гринько, Смирнов.* Космос в вопросах вооруженной борьбы. С. 42.
51. *Zak A.* Spooky World of Military Satellites. — Russian Space Web. — December 17, 2016 // http://www.russianspaceweb.com/spacecraft_military.html
52. *Мясников В.* Единая космическая система предупредит о ядерном нападении. — Независимое военное обозрение. — 17 октября 2014 года // http://nvo.ng.ru/armament/2014-10-17/1_shojgu.html; *Горина Т.* Россия осталась без «Ока»: когда заработает новая космическая система предупреждения о ракетной атаке? — Московский комсомолец. — 11 февраля 2015 года // <http://www.mk.ru/politics/2015/02/11/rossiya-ostalas-bez-oka-kogda-zarabotaet-novaya-sistema-obnaruzheniya-raket.html>

НЕДООЦЕНЕННЫЕ РИСКИ ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ ЯДЕРНЫХ И ОБЫЧНЫХ ВООРУЖЕНИЙ: ТОЧКА ЗРЕНИЯ КИТАЯ

ВВЕДЕНИЕ

В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ уже нельзя рассматривать сферу ядерных вооружений отдельно от других военных технологий. Во-первых, потому, что на наших глазах формируется широкий спектр неядерных технологий, способных взаимодействовать с ядерными вооружениями и их системами командования, управления, связи и информации (СЗИ). Речь идет о сверхзвуковых, противокосмических, кибернетических и безоператорных автономных системах вооружений, а также о высокоточном оружии и средствах противоракетной обороны. Во-вторых, широкое распространение получают многофункциональные военные технологии. Они могут быть задействованы там, где применяются обычные и ядерные вооружения, или представлять угрозу как для ядерных, так и для неядерных средств потенциального противника.

Такое переплетение ядерных и неядерных технологий серьезно влияет на динамику эскалации между неядерной и ядерной сферами. Американские ученые уже приступили к анализу возможных рисков, но в Китае систематические исследования в этой

области пока не проводились. Тем не менее этот вопрос очень важен для Китая. Современные американские неядерные средства могут представлять угрозу для ядерного потенциала Китая и его инфраструктуры командования, управления, связи и информации. Китай внимательно следит за развитием неядерных военных технологий в США и (в меньшей степени) в России и инвестирует в собственные аналогичные программы. Целью таких систем может стать инфраструктура командования, управления, связи и информации ядерных вооружений США.

В настоящей главе мы сосредоточимся на четырех возможных сценариях перерастания неядерного конфликта в ядерный в результате переплетения ядерных и обычных вооружений.

Во-первых, из-за многофункционального характера определенных видов вооружений и других военных объектов может возникнуть ситуация, в которой действия потенциального противника будут истолкованы неверно. Это могут быть как многофункциональные ударные вооружения, так и многофункциональные цели — вооружения или вспомогательные силы и средства, по которым наносится удар.

Во-вторых, различия в представлениях о целях и возможных последствиях развертывания определенных видов вооружения, а также о ситуациях, в которых возможно их применение, могут привести к неверной оценке ситуации на стратегическом уровне. Так, США и Китай по-разному смотрят на возможность применения противоспутниковых систем, и их взгляды на развертывание системы высотной зональной обороны (ТНААД) на территории Южной Кореи также не совпадают. Эти расхождения могут в условиях кризиса привести к непреднамеренной эскалации.

В-третьих, разработка и развертывание неядерных систем вооружения способны повлиять на оценку рисков в кризисной ситуации и готовность пойти на эскалацию.

В-четвертых, внедрение некоторых неядерных технологий может уменьшить или, напротив, усугубить неопределенность оперативной обстановки — и тем самым повлиять на риски непреднамеренной ядерной эскалации.

Для каждого из этих сценариев приведена точка зрения китайских экспертов на проблему эскалации в результате переплетения ядерных и неядерных вооружений, сопоставленная с точкой зрения их западных коллег. Кроме того, авторы предлагают собственный взгляд на эту проблему. В этой же главе анализируется позиция некоторых западных исследователей, которые считают, что Китай сознательно исполь-

зует риск эскалации в результате переплетения обычных и ядерных вооружений в качестве сдерживающей меры. Авторы сознательно отказались от перечисления реальных, но хорошо известных опасений Пекина, связанных с влиянием американских высокоточных вооружений и средств противоракетной обороны на китайский ядерный потенциал сдерживания.

Чтобы понять позицию Китая в каждом из приведенных сценариев эскалации конфликта, авторы этой публикации провели комплексный анализ открытых документов и публикаций, опросили специалистов и организовали закрытое заседание в формате круглого стола, в котором приняли участие ведущие эксперты, представляющие военное и внешнеполитическое сообщества, оборонную промышленность, научно-исследовательские центры и университеты. Один из важных выводов, сделанных по итогам общей дискуссии: у китайских экспертов нет единого мнения по обсуждавшимся вопросам. Соответственно, в этой главе изложены основные точки зрения, а также уделено внимание и некоторым взглядам, которых придерживается меньшинство, но которые тем не менее могут быть интересны международной аудитории.

ЭСКАЛАЦИЯ: ПОЗИЦИЯ КИТАЯ

Непреднамеренная эскалация конфликта не относится к основным вопросам безопасности, занимающим китайских исследователей¹. Так было и в древности: военных стратегов не интересовали ни непреднамеренная эскалация, ни разработка схемы действий в кризисной ситуации. Во времена Мао Цзэдуна центральная роль в политике безопасности отводилась тактике запутывания и дезориентации противника. Цель подобной тактики — не дать противнику установить боевые возможности китайской армии, но самим с максимальной точностью оценить силы и понять намерения противника². Этот традиционный китайский подход весьма отличается от западного, который предполагает, что возможность адекватно оценить намерения и боевой потенциал выгодна обеим сторонам конфликта, так как способна помочь избежать его непреднамеренной эскалации.

Военно-политическое руководство Китая неизменно озвучивает следующую позицию: в военный конфликт следует вступать только в том случае, если есть абсолютная (или почти абсолютная) уверенность в победе. Об этом же говорит и один из трех основополагающих принципов военной доктрины, отдельно выделенных Мао Цзэдуном: «Это принцип победы. Мы или не вступаем в войну, или же, если

мы решим воевать, должны побеждать. Мы никогда не должны вступать в войну, к которой мы не очень хорошо подготовлены и если у нас нет полной уверенности в нашей победе»³.

Руководствуясь этим принципом, китайские специалисты по стратегии, как правило, не рассматривали сценарии, не предполагавшие полной победы или поражения. Кроме того, этот принцип отражает и характерную для китайцев уверенность в том, что военные действия всегда находятся под контролем высшего командования. А ситуации неопределенности, которые могут возникнуть во время войны, как и вероятность того, что военачальники не смогут в полной мере оценить обстановку или эффективно контролировать военные действия, в китайских стратегических работах, как правило, всерьез не рассматриваются.

В середине 1960-х годов Китай стал ядерной державой, однако и после этого он практически не сталкивался с ситуацией прямой вовлеченности в ядерный кризис. Исключением можно считать китайско-советский пограничный конфликт 1969 года, в ходе которого, по некоторым сведениям, Советский Союз угрожал нанести точечные удары по находящимся в зачаточном состоянии ядерным силам и средствам КНР⁴. США и СССР, напротив, прошли через ряд серьезных ядерных кризисов, включая Карибский 1962 года, и извлекли важные уроки о реальных рисках непреднамеренной эскалации. Эти кризисы стали для СССР и США стимулом к объединению усилий в этой области — вплоть до подписания двустороннего Соглашения о предотвращении ядерной войны и создания центров по уменьшению ядерной опасности. Отсутствие у Китая опыта поведения в условиях ядерного кризиса, возможно, стало одной из причин того, что руководство этой страны недооценивает риски непреднамеренной эскалации.

До 1980-х годов Китай считал международные кризисы скорее результатом внутренней нестабильности, чем последствием напряженных отношений между странами⁵. К тому же, согласно традиционной для Китая точке зрения, обсуждение вопросов эскалации или управления в кризисных ситуациях само по себе является признаком слабости⁶. Более того — важнейшим принципом, которому должен следовать хороший правитель, всегда считался отказ идти на компромисс с врагом. Это обстоятельство — еще одна причина невысокого интереса китайского экспертного сообщества к изучению путей предотвращения или снижения уровня эскалации.

В последние десятилетия, однако, в подходе к этой проблеме наметились изменения. Китай проводит политику открытости, специалисты, занимающиеся вопро-

сами военной стратегии, расширяют контакты со своими западными коллегами. Китайское экспертное сообщество ознакомилось с западными концепциями безопасности, в том числе с западным подходом к вопросу эскалации и стабилизации в кризисной ситуации. Внутренние дискуссии по этим вопросам проводятся в Китае все чаще, и все больше экспертов анализирует вопросы стратегической безопасности сквозь призму потенциальных последствий для контроля над вооружениями и кризисной стабильности. Благодаря этому начался серьезный обмен мнениями между стратегическими сообществами Китая и стран Запада⁷.

Однако традиционные взгляды и представления все еще оказывают влияние на общий подход Китая к вопросам, обсуждаемым в этой работе. И тем не менее в результате соприкосновения этих взглядов с позицией западного экспертного сообщества китайская точка зрения на проблему взаимосвязи переплетения неядерных и ядерных вооружений и непреднамеренной эскалации становится более сложной и важной для изучения.

ОШИБОЧНОЕ ТОЛКОВАНИЕ СИТУАЦИИ, СВЯЗАННОЕ С МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫМ ХАРАКТЕРОМ ВООРУЖЕНИЙ

МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ

Некоторые системы вооружений, а также вспомогательные силы и средства могут использоваться как в условиях конвенциональных военных действий, так и в условиях военных действий с применением ядерных вооружений. Если бы по таким системам в условиях неядерного конфликта был нанесен удар, государство, подвергшееся нападению, не могло бы с полной уверенностью определить исходные намерения противника — был ли удар нацелен на уничтожение обычных средств или же, что вызвало бы более серьезную обеспокоенность, на поражение ядерных сил. Если бы государство, подвергшееся нападению, пришло к выводу о существовании угрозы для его ядерного потенциала, лидеры этого государства могли бы принять решение о нанесении ответного ядерного удара.

Например, американские спутники системы раннего предупреждения не только отвечают за раннее обнаружение стратегических средств ядерного нападения, но и обеспечивают поддержку региональных систем противоракетной обороны

США (которые в основном предназначены для отражения нападения с применением ракет, оснащенных неядерной боевой частью). Что касается системы защиты от оперативно-тактических ракет, то размер зоны прикрытия в значительной степени зависит от времени предупреждения: чем оно больше, тем большая территория окажется под прикрытием средств противоракетной обороны⁸. Американские спутники системы раннего предупреждения в большинстве случаев способны раньше

Американские специалисты высказывают опасения, что Китай не имеет специальной системы оперативного управления ядерными вооружениями.

оповестить о ракетном нападении, чем наземные РЛС, то есть они повышают боевые возможности противоракетной обороны театра военных действий. США обеспокоены тем, что их спутники системы раннего предупреждения могут находиться под прицелом китайских сил, и эти опасения прозвучали в годовом отчете конгрессу за 2016 год, подготовленном Министерством обороны США и оза-

главленном «Изменение обстановки в военной сфере и сфере безопасности в связи с политикой Китайской Народной Республики»⁹. Американские исследователи также цитируют выдержки из публикаций Народно-освободительной армии Китая (НОАК), в которых говорится, что «уничтожение американских спутников раннего предупреждения способствовало бы деэскалации конфликта и стабилизации ситуации в контексте военно-морского столкновения с США»¹⁰. Высшие должностные лица США публично отмечали, что знают о таких заявлениях¹¹.

Некоторые китайские эксперты действительно говорят о том, что в случае конвенциональных военных действий между США и Китаем в Тайваньском проливе Китаю следует рассмотреть вариант уничтожения американских спутников системы раннего предупреждения, чтобы ослабить боевые возможности противоракетной обороны США на театре военных действий. И тем самым обеспечить эффективность неядерных ракетных ударов Китая по американским и (или) тайваньским целям в этом регионе¹². Спутники системы раннего предупреждения играют важную роль в американской системе командования, управления, связи и информации ядерных вооружений, поэтому нанесение китайскими силами ударов по ним может быть истолковано (возможно, ошибочно) как осознанная попытка нанести ущерб американским средствам оперативного обнаружения и перехвата китайских межконтинентальных баллистических ракет (МБР), запущенных для поражения целей на территории США. Опасаясь, что удары по американским спутникам системы ран-

него предупреждения могут свидетельствовать о подготовке Пекина к запуску МБР по целям на территории США, Вашингтон может решить, что необходимо нанести упреждающие удары по стратегическим наступательным силам и средствам КНР. Таким образом, удары по многофункциональным военным объектам — в данном случае по американским спутникам системы раннего предупреждения — могут привести к непреднамеренной эскалации конфликта.

Аналогичным образом в среде американских специалистов, занимающихся вопросами стратегии, высказываются опасения, что Китай не имеет специально разработанной системы оперативного управления ядерными вооружениями и что некоторые средства связи в Китае используются для поддержки операций с применением как ядерных, так и неядерных вооружений¹³. Из открытых источников информации сложно понять, так ли это на самом деле, и даже китайские эксперты, как представляется, не имеют единой точки зрения по этому вопросу — по причине отсутствия четкого определения того, что именно представляет собой специально разработанная система оперативного управления ядерными силами. Зарубежные эксперты также озабочены тем, что некоторые типы китайских баллистических ракет, включая «Дунфэн-21» и «Дунфэн-26», согласно имеющимся сведениям, представлены как в ядерной, так и в неядерной модификации. То есть существует риск того, что США могут ошибочно принять ракету с ядерной БЧ за ракету с обычной БЧ — и нанесение удара по такой цели может привести к непреднамеренной эскалации конфликта. Кроме того, на некоторых китайских ракетных базах, возможно, развернуты ракеты как с ядерной, так и с неядерной БЧ, и при этом они могут «обслуживаться одними и теми же средствами на одних и тех же объектах»¹⁴. Такого рода совместное размещение ракет с ядерной и неядерной БЧ — еще один фактор, который может стать причиной непреднамеренной эскалации.

Пока что китайские аналитики еще не достигли такого же, как у многих западных экспертов, уровня понимания рисков эскалации, связанной с применением многофункциональных средств или с совместным развертыванием ядерных и неядерных вооружений. Большинство китайских экспертов из политических кругов и инженерно-технического сообщества, судя по всему, не признают существование таких рисков и зачастую не принимают их в расчет при обсуждении стратегии¹⁵. Более того, найти в китайских публикациях какие-либо материалы на эту тему практически невозможно.

Отсутствие подобных аналитических материалов может быть отчасти связано с тем, что в Китае относительно высокий уровень секретности в ядерной сфере. В некото-

ром смысле китайские эксперты по вопросам безопасности и вооружений по-прежнему отделены друг от друга рамками структур или ведомств, что делает информационное взаимодействие менее эффективным. Многие китайские эксперты, которым разрешено посещать международные конференции и общаться с зарубежными коллегами, могут быть не в курсе как операционных и технических мероприятий, относящихся к ядерным силам КНР, так и конкретных политических вопросов, связанных с совместным развертыванием ядерных и неядерных средств. Поэтому их точки зрения на возможные действия Китая в ответ на нанесенный Соединенными Штатами неядерный удар, который был бы нацелен на обычные вооружения Китая, но фактически поразил бы его ядерные силы и средства, представляются чисто умозрительными и не основанными на результатах предшествующих внутренних обсуждений. Такие информационные вбросы лишь усугубляют ситуацию, проведение содержательных обсуждений и выработка общих взглядов и мнений становятся из-за этого еще более сложным процессом.

Из-за того что китайские эксперты видят и понимают цели и возможные последствия конкретных действий не так, как их зарубежные коллеги, они с большей долей вероятности могут упустить из виду риски эскалации конфликта. Например, с точки зрения китайской стороны, в случае конвенциональных военных действий между США и Китаем в Тайваньском проливе нанесение Китаем удара по американским спутникам системы раннего предупреждения — это тактическая военная операция с ограниченной целью нанесения ущерба боевым возможностям американской противоракетной обороны театра военных действий в данном регионе. Несмотря на то что некоторые китайские эксперты понимают, что эти спутники также обеспечивают раннее предупреждение о стратегическом ядерном ударе, они, по всей видимости, полагают, что США смогут правильно интерпретировать применение противоспутниковых систем в войне, которая носит неядерный, ограниченный и региональный характер. И аргументом в пользу такого предположения они считают то обстоятельство, что Китай очевидным образом не располагает боевыми возможностями для нанесения серьезного ущерба мощным ядерным силам США, то есть с военной точки зрения было бы неразумно даже пытаться добиться такой цели. Однако китайские эксперты упускают из виду возможность, что США истолкуют эти удары как подготовку Китая к тому, чтобы первым применить ядерное оружие с целью устрашения противника, а отнюдь не как попытку нанести обезоруживающий удар.

Напротив, американские официальные лица и эксперты совсем иначе оценивают цель и последствия такого нападения. Они в принципе согласны с тем, что удары по американским спутникам системы раннего предупреждения были бы расцене-

ны как серьезная угроза американской системе командования, управления, связи и информации ядерных сил и поэтому должны считаться провокационными и могут привести к эскалации конфликта¹⁶. Столь глубокие расхождения в понимании ситуации способны привести к ее неправильной оценке и непредвиденной эскалации конфликта.

Эти различия во взглядах и представлениях между китайскими и западными специалистами в области военно-политической стратегии помогают объяснить, почему они по-разному представляют себе ядерную политику Китая. Некоторые иностранные аналитики полагают, что Китай может сознательно размещать свои ядерные и обычные средства совместно или будет чаще прибегать к этой практике в дальнейшем, чтобы защитить свои ракеты с неядерной БЧ от ударов противника¹⁷. По их мнению, логика Китая состоит в следующем: в случае ограниченного конвенционального конфликта противник будет избегать нанесения ударов по неядерным силам, которые дислоцированы вблизи ядерных сил, потому что риск нанесения ошибочного удара здесь будет слишком высок.

Однако на самом деле нет веских доказательств того, что Китай намеренно размещает свои ядерные силы совместно с неядерными или же собирается рассматривать такой вариант в будущем. Китайские специалисты по стратегии не уделяют этому вопросу особого внимания, и это скорее говорит о том, что в данном случае перед нами не осознанная и продуманная стратегия. Кроме того, китайские эксперты, по-видимому, не считают, что ядерные силы необходимо использовать для защиты обычных вооруженных сил. Напротив, по мнению китайских стратегов, сохранение боеспособности ядерных сил — гораздо более приоритетная задача, чем защита обычных вооруженных сил. С этой точки зрения, использование ядерных сил для защиты сил конвенциональных было бы для военного руководства Китая нецелесообразным¹⁸.

На самом деле совместное размещение ядерных и неядерных сил Китаем, как нам представляется, обусловлено в основном инженерно-техническими и логистическими соображениями. Эксперты Академии военных наук НОАК недавно заявили о том, что принятая не так давно на вооружение баллистическая ракета средней дальности «Дунфэн-26» может применяться как в ядерном, так и в неядерном

Нет доказательств того, что Китай намеренно размещает свои ядерные силы вместе с неядерными или же собирается рассматривать это в будущем.

оснащении. Более того, для этой ракеты предусмотрена быстрая замена обычной БЧ на ядерную в зависимости от конкретной оперативной необходимости. Эксперты утверждают, что в свете китайской политики поддержания небольшого ядерного арсенала доставка обычных БЧ ракетами, относящимися к ядерному арсеналу, дает Китаю дополнительные возможности противодействовать «разноплановым угрозам безопасности»¹⁹. По-видимому, по тем же причинам Китай практикует совместное развертывание ядерных и неядерных сил.

МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОЕ УДАРНОЕ ОРУЖИЕ

Ошибочное толкование действий противника также может быть вызвано развертыванием или применением наступательных вооружений, которые могут быть использованы против как ядерных, так и неядерных целей. Существует целый ряд новых неядерных вооружений, которые могут применяться против широкого спектра различных целей. Например, гиперзвуковые средства могут использоваться для поражения особо опасных террористов, РЛС, противоспутникового оружия и мобильных пусковых установок ядерных и неядерных ракет. Кроме того, гиперзвуковые виды вооружений — это маневренные средства с непредсказуемой траекторией, которые обладают таким свойством, как неопределенность точки прицеливания. Если Китай установит, что с территории США в направлении китайской территории запущена гиперзвуковая ракета, то он не сможет сразу определить, где именно находится объект нападения — в Северной Корее, на востоке России или в Китае. Если во время полета ракеты будет установлено, что ракета нацелена на объект, расположенный на территории Китая, у Пекина все равно не будет уверенности в месте расположения и характере цели: населенный ли это пункт, или объект оперативного управления войсками, или ракетная база, или мобильная пусковая установка ядерной ракеты на боевом дежурстве, или же пусковая установка противоспутникового оружия. Китаю также будет трудно определить, оснащено ли это средство доставки обычной или ядерной БЧ — эта проблема получила название «неопределенность типа БЧ». Сочетание неопределенностей точки прицеливания и характера БЧ в случае применения вооружений, способных поражать как ядерные, так и неядерные цели, может привести к серьезным рискам эскалации²⁰.

Похоже, китайские эксперты не слишком обеспокоены этими неопределенностями и связанными с ними рисками эскалации. Этому можно найти и такое объяснение: они всегда считали, что США заинтересованы в преднамеренном использовании гиперзвукового оружия в целях нанесения упреждающего удара по ядерным силам Китая. Китайские аналитики опасаются, что даже в случае, если такие воору-

жения оснащены только обычными БЧ, их высокая скорость и точность означают, что их можно использовать для нанесения первого удара²¹. Беспокойство Китая со временем только растёт, тем более что в 2002 году в ядерную доктрину США были включены «силы и средства для нанесения неядерного удара» в рамках «Новой триады» — концепции, предусматривающей развитие средств нанесения ядерных и неядерных ударов, стратегической обороны и гибкой инфраструктуры²², а также прорывных технологий в контексте принятой Вашингтоном «Программы быстрого глобального удара» (мероприятий по разработке неядерных гиперзвуковых видов вооружений большой дальности). На этом фоне Китай склонен интерпретировать неоднозначные действия США как нападение на его ядерные силы: он предполагает, что Вашингтон разрабатывает гиперзвуковое оружие для потенциального использования против китайских ядерных сил. При этом Пекин не может в полной мере определить и оценить уже упомянутые выше риски ошибочного толкования действий США, связанные с неопределённостями точки прицеливания и характера БЧ.

Автономный обитаемый подводный аппарат (АНПА) — ещё один пример новейшего неядерного вооружения многофункционального характера, внедрение которого может привести к непреднамеренной эскалации. Некоторые операции с АНПА могут угрожать атомным подводным лодкам, вооружённым баллистическими ракетами (ПЛАРБ), и многоцелевым подводным лодкам. Например, АНПА могут быть использованы для сбора данных о дислокации подводных лодок противника, их маршрутах передвижения для подготовки операций по противолодочной обороне (ПЛО). Такие действия могут привести к росту напряжённости даже в мирное время, что и произошло в декабре 2016 года во время прямого противостояния военно-морских сил США и Китая в связи с развёртыванием двух американских АНПА, одна из которых была задержана в юго-восточной части Южно-Китайского моря китайскими ВМС²³.

Более того, в кризисных ситуациях АНПА могут быть развернуты на входе в базу подводных лодок или в узких морских проливах для отслеживания местонахождения и передвижения подводных лодок. Планы ВМС США, которые предполагают совершенствование АНПА, недвусмысленно указывают на то, что одна из важнейших задач АНПА — «держать противника под угрозой нанесения удара»²⁴. Такие операции АНПА создают угрозу китайским ПЛАРБ и многоцелевым подводным лодкам, при этом в случае кризиса военному руководству Китая будет сложно понять, что собираются предпринять США. Таким образом, даже если США захотят создать угрозу только многоцелевым подводным лодкам Китая, но не ПЛАРБ, возникнет реальный риск того, что Китай тем не менее может решить, что его ядер-

ные силы сдерживания морского базирования находятся в опасности. В этом случае реакция Китая может показаться США чрезвычайно провокационной и ведущей к эскалации. Действительно, судя по отчетам китайской стороны, задержание американской АНПА в декабре 2016 года было напрямую связано с предполагаемой угрозой китайским ПЛАРБ в регионе ²⁵. В случае возникновения подобной конфронтации в будущем, если Китай сочтет, что его ПЛАРБ находятся под угрозой, он может снова принять решительные меры для выдворения американских кораблей из акватории и предпринять весьма агрессивные действия для защиты своих подводных лодок. США могут посчитать такие действия несоразмерно агрессивными, и, следовательно, это приведет к усугублению конфликта.

НЕСОВПАДЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ НА НЕЯДЕРНЫЕ ВООРУЖЕНИЯ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Зачастую силы и средства вооруженной борьбы воспринимаются и оцениваются в различных государствах по-разному, что может существенно влиять на стабильность ситуации в условиях кризиса. Во-первых, это может привести к тому, что стороны конфликта будут по-разному оценивать готовность противника к использованию тех или иных сил и средств. Во-вторых, различным может оказаться и понимание цели развертывания, от чего, в свою очередь, может зависеть то, как стороны будут толковать готовность друг друга пойти на эскалацию конфликта или, напротив, на его деэскалацию в условиях кризиса.

РАЗЛИЧИЯ В ПОНИМАНИИ И ОЦЕНКЕ ВЕРОЯТНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОВЕЙШИХ ВООРУЖЕНИЙ

С тех пор как в 2007 году Китай провел успешное испытание противоспутникового оружия, мировое сообщество следит за его разработками в этой сфере. Тем временем многие китайские военные аналитики и политические обозреватели в своих работах и высказываниях рисуют мрачную картину будущего, в котором космос станет новой ареной вооруженной борьбы ²⁶. Учитывая значительную роль систем космического базирования в современных военных операциях, многие китайские аналитики считают, что в будущем противоспутниковое оружие может стать тем стратегическим средством, которое будет серьезно влиять на исход будущих войн ²⁷. Некоторые официальные лица и аналитики США предполагают, что некоторые испытания, проведенные Китаем в последние годы в области противоракетной обо-

роны, на самом деле были замаскированными испытаниями противоспутникового оружия²⁸. Противоспутниковое оружие действительно схоже с системами противоракетной обороны, а технические данные об этих испытаниях отсутствуют, поэтому дать объективную оценку степени заинтересованности Китая в развертывании, не говоря уже о применении, противоспутникового оружия довольно непросто. Тем не менее официальные лица и аналитики США высказывают все большую озабоченность тем, что в случае возникновения в будущем конфликта между двумя странами Пекин может воспользоваться противоспутниковым оружием и свести на нет те значительные преимущества, которые получают США в результате освоения космического пространства.

Судя по опросам, проведенным среди китайских специалистов по стратегии, американские и китайские эксперты могут по-разному оценивать ситуацию в этой области²⁹. Большинство китайских экспертов высказывает серьезные сомнения в эффективности противоспутникового оружия. При этом большинство считает, что в Китае проводится слишком много теоретических дискуссий о возможной роли противоспутникового оружия при отсутствии в открытом доступе серьезных исследований, где систематически и реалистично оценивалось бы влияние таких вооружений на ход и результаты будущих войн. Более того, большинство экспертов скептически отнеслось к идее, что противоспутниковое оружие даст возможность получить решающее и асимметричное преимущество в войне. Такая позиция, весьма распространенная среди китайских технических специалистов, созвучна результатам некоторых недавних исследований, проведенных зарубежными учеными, где высказываются соображения о серьезных ограничениях боевой эффективности противоспутникового оружия³⁰. И напротив, те китайские эксперты, которые склонны поддерживать идею применения противоспутникового оружия в боевых действиях, в основном являются теоретическими специалистами в области военной стратегии.

Отсутствие в китайском стратегическом сообществе единого мнения по этому вопросу дает основания предполагать, что Китай не столь решительно настроен на использование противоспутникового оружия в будущих военных конфликтах, как думает большинство американских официальных лиц и экспертов. У этого возможного нежелания применять противоспутниковое оружие есть очевидные плюсы

С тех пор как Китай провел успешное испытание противоспутникового оружия, мир следит за его разработками в этой сфере.

с точки зрения поддержания стабильности в кризисной обстановке. Однако из-за того, что США не понимают, что Китай еще не принял решения, вероятность реализовать эти преимущества значительно снижается. В кризисной ситуации Вашингтон, исходя из предположения, что Китай готов использовать противоспутниковое оружие, может ошибочно истолковать неоднозначные действия Пекина, например передислокацию противоспутниковых вооружений, как сигнал о подготовке к их применению. Вашингтон может отреагировать довольно резко — вплоть до нанесения обезоруживающего удара по предполагаемым объектам и средствам противоспутниковой обороны Китая — и пойти тем самым на риск развязать конфликт или спровоцировать серьезную эскалацию.

Ситуация еще больше осложняется тем, что из-за несхожих взглядов на боевые возможности вооружений государства по-разному представляют, кто должен нести ответственность за возникновение рисков эскалации, что создает дополнительные преграды для урегулирования ситуации. Целый ряд китайских экспертов, которые признают, что потенциальные риски эскалации существуют, утверждает, что эти риски появились из-за американской ядерной доктрины ответно-встречного удара и поэтому именно США должны отвечать за их снижение, — например, отказаться от этой доктрины. Они считают, что такое положение дел не накладывает на Китай каких-либо ограничений.

РАЗЛИЧИЯ В ПОНИМАНИИ ЦЕЛЕЙ РАЗВЕРТЫВАНИЯ ВООРУЖЕНИЙ

Недавние разногласия по поводу развертывания системы высотной зональной обороны на театре военных действий (ТНААД) на территории Южной Кореи — еще один пример того, как различное понимание сторонами боевых возможностей той или иной технологии может создавать риски эскалации. Впрочем, здесь появилось дополнительное осложнение, которого не было в ситуации с китайским противоспутниковым оружием. США правильно понимают мотивы Китая в вопросе о потенциальном приобретении противоспутникового оружия, но переоценивают готовность Пекина его использовать. С развертыванием системы ТНААД на территории Южной Кореи ситуация немного другая: из-за расхождений в восприятии ее боевых возможностей возникли разногласия и о самой цели развертывания этой системы. Что только усугубляет риски эскалации и препятствует поискам решения проблемы.

В июле 2016 года Вашингтон и Сеул согласовали развертывание системы ТНААД на территории Южной Кореи. Существующая система противоракетной оборо-

ны этой страны состоит из вооружений, способных поражать цели только на малых высотах, — таких как зенитный ракетный комплекс «Патриот» (Patriot) PAC-2 (Patriot Advanced Capability-2), который осуществляет встречный перехват ракет на конечном участке траектории³¹. Система ТНААД предназначена для создания дополнительного эшелона противовоздушной обороны, который обеспечивал бы перехват ракет большей дальности на большей высоте. Угроза нанесения Северной Кореей удара с применением баллистических ракет растет, поэтому США и Южная Корея считают, что развертывание системы ТНААД необходимо для защиты населения Южной Кореи, а также американских военных баз, расположенных на территории этой страны.

Китай совершенно по-другому представляет себе систему ТНААД и цели ее развертывания. Китайские эксперты полагают, что ТНААД наиболее эффективна для перехвата баллистических ракет, дальность которых превышает 1000 км. Поскольку протяженность Корейского полуострова с севера на юг — лишь около 900 км, Южной Корее со стороны КНДР могут угрожать только ракеты дальностью менее 1000 км. На основании этого китайские эксперты делают вывод, что система ТНААД не может обеспечить защиту Южной Кореи от ракетной угрозы, исходящей от КНДР, и что развертывание этой системы на самом деле направлено против Китая³².

Кроме того, Китай подозревает, что развертывание системы ТНААД — лишь первый этап реализации всеобъемлющей американской стратегии «окружения Китая кольцом противоракетной обороны», направленной на то, чтобы подорвать его ядерные силы сдерживания³³. Китайские технические эксперты считают, что высокоэффективная РЛС трехсантиметрового диапазона AN/ТРУ-2, сопряженная с системой ТНААД, возможно, способна осуществлять мониторинг процесса отделения головных частей и ложных целей от китайских МБР. Их также беспокоит, что эта РЛС сможет устанавливать факт пуска баллистических ракет морского базирования с китайских ПЛАРБ в Бохайском заливе и отслеживать их. Если такие данные будут передаваться в американскую территориальную систему противоракетной обороны, эффективность действия этой системы против китайских стратегических ракет значительно повысится³⁴. Китайские эксперты полагают, что развертывание системы ТНААД может серьезно уменьшить эффективность китайских сил сдерживания и тем самым создать угрозу стратегической безопасности страны.

Американские эксперты, в том числе высшие чиновники Государственного департамента, и публично, и в частных беседах не соглашаются с мнением китайских

специалистов, которые утверждают, что система ТНААД не способна осуществлять перехват северокорейских ракет малой дальности, но при этом имеет потенциал для подрыва китайских ядерных сил сдерживания. По оценке США, эффект, который окажут РЛС AN/ТРУ-2 на китайские силы сдерживания, будет крайне незначительным (если вообще будет), поскольку в арсенале Китая есть новейшие средства преодоления противоракетной обороны. Большинство американских экспертов считает опасения Китая необоснованными или преувеличенными по политическим мотивам.

Эти расхождения во взглядах на проблемные вопросы могут усугубить риски эскалации. Китайские военные эксперты высшего звена, такие как генерал-майор в отставке Инь Чжо и контр-адмирал в отставке Янг И, утверждают, что Китай должен быть готов к нанесению удара по системам ТНААД, в случае если между США и Китаем разразится военный конфликт³⁵. Более того, Инь Чжо даже считает, что Китаю следует рассмотреть возможность нанесения удара по этим системам в качестве первого шага в будущем военном конфликте с США³⁶. Если бы Китай нанес такой удар, Вашингтон и Пекин совершенно по-разному понимали бы намерения китайской стороны.

С точки зрения Китая, США должны были бы понять, что удар был нанесен для защиты одного из важнейших национальных интересов Китая — боеспособности его ядерных сил сдерживания, а также для восстановления прежнего статус-кво. Китай был бы уверен в том, что такой удар вполне понятен и оправдан и что он не должен вызвать чрезмерно резкой реакции со стороны США. Напротив, руководство и США, и Южной Кореи сочли бы такой удар в высшей степени провокационным, потому что, по их мнению, система ТНААД не представляет реальной угрозы для Китая. Более того, поскольку США и Южная Корея заявляют, что основная цель размещения системы ТНААД состоит в противодействии ракетной угрозе со стороны КНДР, Вашингтон и Сеул, вполне возможно, решили бы, что китайский удар был нанесен, чтобы поддержать Пхеньян и побудить руководство КНДР к осуществлению более серьезных военных провокаций. В таких обстоятельствах США и Южная Корея с одной стороны и Китай с другой стороны в конечном счете преследовали бы разные цели, руководствуясь абсолютно разными интересами. Эти различия затем могли бы повлиять на реакцию США и Южной Кореи, а потом и на то, как Китай истолковал бы эту реакцию.

ВЛИЯНИЕ НЕЯДЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРИНЯТИЕ РИСКОВ

Неядерные технологии могут влиять на отношение руководства страны к принятию риска в условиях кризиса и тем самым менять динамику эскалации. Если страна знает, что способна ответить на провокацию противника, она будет чувствовать себя более уверенно в критической ситуации, то есть сможет позволить себе подождать и не принимать контрмеры, пока замысел провокации не будет полностью раскрыт. И напротив, если страна не столь уверена в своей способности ответить на действия противника, ее руководство будет менее склонно к риску, то есть в условиях давления со стороны противника оно предпочтет отреагировать на кризис на более ранней стадии, пока еще есть возможность. Неядерные технологии влияют на то, насколько уверенно чувствует себя страна в критической ситуации, и, следовательно, влияют на готовность ее руководства пойти на эскалацию в случае конфликта.

Если одной стороне конфликта известно, что другая разрабатывает силы и средства, которые могут отрицательно повлиять на ее ядерные силы сдерживания — такие как противоспутниковое оружие, способное поражать спутники системы раннего предупреждения, или кибернетическое оружие, способное нанести серьезный ущерб системе командования, управления, связи и информации ядерных сил, — в условиях кризиса у руководства этой стороны могут появиться сомнения в том, что у нее сохранится потенциал для ответного ядерного удара. В результате эта страна уже не будет готова рисковать и может принять решение об использовании ядерного оружия на более раннем этапе, пока еще есть такая возможность.

Например, китайские эксперты знают, что правительство США рассматривает возможность использования кибернетического оружия для подрыва стратегических ракетных арсеналов и систем оперативного управления ядерными силами потенциальных противников в условиях кризиса, чтобы воспрепятствовать применению ими этих арсеналов³⁷. Есть открытые отчеты, в которых говорится, что вооруженные силы США проводят серьезные исследования в этой области³⁸. Следует отдельно отметить, что, согласно имеющимся сведениям, в 2014 году администрация Барака Обамы активизировала работы в области исследования сил и средств, предназначенных для упреждающего поражения ракет противника до момента их пуска³⁹. (В США этот подход называется «left of launch», что буквально значит «слева от пуска», то есть до отметки «пуск» на временной шкале.) Для превентивного уничтожения или выведения из строя ракет противника используются кинетические и иные виды вооружений и средств, в том числе кибернетическое и электронное воздействие⁴⁰.

Высшие должностные лица Министерства обороны США подтвердили проведение указанных исследований, по крайней мере в общих чертах. В 2016 году Брайан П. МакКеон, на тот момент — первый помощник заместителя министра обороны по политическим вопросам, выступил перед конгрессом США со следующим заявлением: «Нам необходимо расширить свой арсенал средств, и в этой связи речь идет о разработке средств для уничтожения ракет противника „до пуска“.

Неядерные технологии могут влиять на отношение лидеров страны к принятию риска в условиях кризиса и тем самым менять динамику эскалации.

Разработка сил и средств для нейтрализации ракет до пуска даст руководству США дополнительные возможности для противодействия ракетам противника. Это, в свою очередь, позволит уменьшить нагрузку на силы нашей противоракетной обороны, предназначенные для нейтрализации ракет после пуска»⁴¹. На том же слушании генерал-лейтенант Дэвид Л. Манн, на тот момент — командующий космиче-

скими силами и силами противоракетной обороны армии США и стратегическими силами армии США, подтвердил, что кибероперации были частью «комплексной стратегии противоракетной обороны»⁴². Китайские эксперты опасаются, что эти наработки могут быть применены в отношении Китая.

Чтобы США смогли создать эффективные силы и средства для проникновения в систему командования, управления, связи и информации противника — систему в высшей степени засекреченную, сложную и, несомненно, хорошо защищенную, необходимо в мирное время постоянно проводить ее зондирование и изучение, чтобы составить карту сетевой инфраструктуры и выявить ее потенциально слабые и уязвимые места⁴³. Разведывательные операции могут быть замечены противником, который таким образом будет предупрежден о потенциальной угрозе кибернетических атак против его ядерных средств сдерживания. Если руководству страны будет известно об обнаружении уязвимых мест в ее инфраструктуре, оно в меньшей степени будет готово рисковать в условиях кризиса, что увеличит вероятность непреднамеренной эскалации, чему есть несколько причин.

Во-первых, атакующая сторона может неверно оценить потенциальную реакцию противника, а между тем объект кибератаки может счесть серьезной даже относительно безобидную кибернетическую операцию. Например, с точки зрения атакующей стороны, простое проникновение в систему командования, управления, связи

и информации ядерных сил не обязательно даст атакующему возможность нанести ущерб противнику. Однако сторона, которая стала объектом кибератаки, может переоценить возможности и (или) намерения атакующей стороны. В условиях кризиса, если будут обнаружены признаки кибернетического проникновения противника в систему оперативного управления ядерных сил, сторона, ставшая объектом кибератаки, может оказаться не в состоянии быстро оценить масштаб проникновения и, вполне возможно, будет исходить из худших предположений. Например, могут возникнуть опасения, что в результате изменения критических данных и (или) программного кода в системе ей может быть нанесен непоправимый ущерб, даже если атакующая сторона не имела такого намерения или предполагала, что она технически неспособна на такое действие. Из-за ощущения крайней уязвимости в сочетании с предположениями о необратимом повреждении системы атакованная сторона может принять решение о незамедлительном применении ядерного оружия, пока она не утратила контроль над ним.

Во-вторых, атакованная сторона может решить, что за кибернетической операцией последуют удары кинетическим оружием по ее ядерным силам. В условиях кризиса, обнаружив признаки кибернетического проникновения противника в систему оперативного управления ядерными силами, атакованная сторона может решить, что атакующая сторона перешла последнюю черту и находится в процессе нанесения упреждающего обезоруживающего удара по ее ядерным силам. Тем более что кибернетическое проникновение могло быть использовано для сбора разведывательной информации в интересах нанесения ударов с применением кинетического оружия. У атакованной стороны может возникнуть предположение, что вскоре последует превентивный удар с применением кинетического оружия, — и тогда реакция может быть чрезмерной. В случае американо-китайской военной конфронтации у Пекина, как представляется, будут веские причины для беспокойства о том, что последует за кибернетической атакой со стороны США: некоторые американские исследователи полагают, что кибератаки, скорее всего, предшествуют или сопутствуют первому ядерному удару⁴⁴.

В-третьих, если даже просто известно, что противник способен разрушить систему командования, управления, связи и информации ядерных сил, в кризисной ситуации это может привести к ошибочному толкованию его действий и чрезмерной реакции на них. Например, если сторона обнаружила, что против ее системы оперативного управления ядерными силами неизвестным противником ведется кибератака или что в работе этой системы возникла проблема, то она может прийти к ошибочному выводу, что система подверглась тщательно спланированному кибер-

нетическому нападению со стороны другого участника кризисной ситуации, а это может вызвать эскалацию конфликта. Разумеется, такие риски могут возникать и в связи с применением других типов вооружений. Например, если в обстановке кризиса возникла неизвестная проблема со спутником системы раннего предупреждения, то страна — владелец этого спутника (если ей известно, что противник занимается разработкой противоспутниковых вооружений) может ошибочно решить, что проблема появилась в результате спланированного нападения.

В-четвертых, средства защиты от кибератак могут повысить вероятность случайного или несанкционированного применения ядерного оружия как в мирное время, так и в условиях кризиса. Если руководство страны полагает, что у противника есть возможность помешать запуску ее ядерного оружия, оно может дать более высокий приоритет обеспечению пуска по приказу и более низкий — предотвращению несанкционированных и ошибочных пусков. В связи с тем, что эти цели взаимоисключают друг друга, предполагаемая угроза будет толкать атакованную сторону к большей терпимости к риску несанкционированных и ошибочных пусков, но большему неприятию риска неспособности обеспечить пуск по приказу. Например, для предотвращения несанкционированного или случайного пуска ядерного оружия государства используют разнообразные процедуры проверки достоверности приказа. Однако если руководство страны опасается, что кибероружие противника может помешать выполнению таких процедур и предотвратить санкционированный пуск, оно может применить альтернативные процедуры, с одной стороны более защищенные, но с другой — предполагающие увеличение риска случайного пуска.

Китайские аналитики демонстрируют высокую степень информированности и понимания потенциальной уязвимости китайской системы оперативного управления ядерными силами, особенно в случае несанкционированного кибернетического проникновения в эту систему. Военные эксперты из Университета национальной обороны Народно-освободительной армии Китая считают, что хакерские атаки на систему оперативного управления ядерными силами способны привести к схожим, а то и более серьезным инцидентам, чем тот, что произошел в США на авиабазе им. Фрэнсиса Э. Уоррена в 2010 году, когда в результате технической неисправности персонал базы потерял связь с пятьюдесятью МБР⁴⁵. Китайские гражданские эксперты тоже уверены, что киберугроза для китайской системы оперативного управления ядерными силами существует⁴⁶. Весьма вероятно, что Китай уже внедрил пассивные меры защиты своей системы командования, управления, связи и информации ядерных сил, например предусмотрев меры физической изоляции и применив технологии электромагнитного экранирования⁴⁷, однако детали этих решений

в ходе публичных дискуссий не обсуждаются. Впрочем, подобные меры нельзя считать панацеей от всех опасностей и рисков. Как показывает опыт применения компьютерного вируса «Стакснет» (кибероружие, судя по всему разработанное США и Израилем для атаки на иранские центрифуги в городе Натанз), даже физически изолированные системы все-таки остаются уязвимыми ⁴⁸.

Большинство китайских экспертов, с которыми говорили авторы данной главы, полагают, что появление киберугроз для системы командования, управления, связи и информации ядерных сил того или иного государства само по себе не увеличивает риск эскалации конфликта. Он связан в первую очередь с вопросами стратегии этого государства, а не с технологиями. Например, если государство обеспокоено кибернетической уязвимостью своей системы оперативного управления ядерными силами, то у него есть два варианта: запланировать применение ядерного оружия на ранней стадии, пока эта система еще не выведена из строя, или развернуть в качестве экстренной альтернативы резервную систему, полностью независимую от кибернетических сетей. У такой дублирующей системы есть свои очевидные недостатки — стоимость, эффективность и потенциальная уязвимость от других средств воздействия, но есть и очевидные преимущества с точки зрения кризисной стабильности. Китайские эксперты также отметили, что государственная доктрина отражения кибератак сама по себе свидетельствует о том, как выбор стратегических вариантов влияет на риски эскалации. Поскольку руководство страны придерживается политики неприменения ядерного оружия первыми, Китай не будет наносить ядерный удар в ответ на кибернетическую атаку. Однако в некоторых исследованиях, которые финансирует правительство США, звучат призывы не отбрасывать возможность нанесения ядерного удара в ответ на кибератаку ⁴⁹.

Некоторые китайские эксперты оспаривают распространенную точку зрения, что кибернетические технологии окажут негативное влияние на поддержание стабильности в кризисной ситуации, поскольку, по их мнению, этот вывод целиком и полностью основывается на логических заключениях, а не на эмпирических доказательствах. Эти эксперты отмечают, что государства обычно проявляют большую осторожность в отношении нанесения военного удара в ответ на кибератаки и ки-

---

Так как Китай придерживается политики неприменения ЯО первым, он не нанесет ядерный удар в ответ на кибернетическую атаку.

бернетические атаки лишь в крайне редких случаях ведут к эскалации конфликта⁵⁰. Ряд экспертов также высказывает точку зрения, что некоторые кибернетические технологии едва ли будут использованы на практике, поскольку разработчики могут сами воздержаться от их боевого применения. Логика их рассуждений схожа с аргументацией специалиста в области военной стратегии Дина Чэна, который считает, что «с реалистической точки зрения, почти любое кибернетическое оружие может быть применено лишь однажды», поскольку сразу после того, как кибернетическое оружие будет применено, объект нападения примет меры для предотвращения подобных атак в будущем⁵¹.

Наконец, некоторые китайские эксперты утверждают, что кибернетические технологии могут оказывать даже положительное влияние на поддержание стабильности в условиях кризиса. Они полагают, что разработка кибернетических технологий упрощает межгосударственные контакты не только между лицами, принимающими решения, но и между простыми гражданами разных стран. Благодаря передовым кибернетическим технологиям у гражданского общества появляется больше возможностей получать информацию о рисках ядерной конфронтации. Информированное общество более осторожно, не стремится рисковать и в то же время готово оказывать давление на национальных лидеров для того, чтобы они уделяли больше внимания повышению эффективности взаимодействия в условиях кризиса, поиску компромиссов и разрядке военной напряженности.

ТЕХНОЛОГИИ, НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ОПЕРАТИВНОЙ ОБСТАНОВКИ И ЭСКАЛАЦИЯ

Термином «неопределенность оперативной обстановки» описывается неоднозначность информации о положении дел в зоне боевых действий или ее отсутствие у военного руководства⁵². Подобная ситуация может привести к неверной интерпретации происходящего, а также к серьезным тактическим просчетам. Некоторые новейшие неядерные технологии, о которых идет речь в этой главе, позволяют уменьшить или, наоборот, усугубить неопределенность оперативной обстановки и тем самым оказывают влияние на динамику эскалации конфликта.

С одной стороны, в ходе обсуждений некоторые китайские эксперты высказывали мнение, что применение кибернетических технологий может помочь правительству получать и отслеживать информацию. Они уверены, что передовые кибернетиче-

ские технологии позволяют улучшить управление ядерным оружием и ядерными материалами за счет более эффективного, тщательного и оперативного контроля правительства за их хранением и перемещением, а также своевременного обнаружения любых отклонений от установленных процедур. Эксперты, которые придерживаются такого мнения, полагают, что кибернетические технологии могут уменьшить вероятность случайного пуска ядерного оружия или попадания ядерных материалов в чужие руки.

С другой стороны, китайские аналитики также осознают, что использование определенных видов неядерного оружия может привести к снижению уровня ситуационной информированности противника на театре военных действий. Некоторые китайские аналитики, особенно те, что выступают за применение в случае ограниченной региональной войны противоспутникового оружия против американских разведывательных и коммуникационных спутников, склонны рассматривать неопределенность оперативной обстановки в результате нанесения таких ударов как тактическое военное преимущество Китая, которое позволит подорвать эффективность американской системы командования, управления, связи и информации ядерных сил⁵³.

Однако вопрос о том, могут ли действия, направленные на ослабление ситуационной информированности и коммуникационных возможностей США, повлечь за собой негативные последствия для самого Китая, не является предметом широкого обсуждения у китайских аналитиков. Китайские эксперты, с которыми говорили авторы этой главы, не считают, что ограниченный удар по космическим средствам системы оперативного управления ядерными силами США может повлечь за собой ответный ядерный удар. Такие ответные действия, с их точки зрения, были бы непропорциональными. Никто из них не отметил, что в условиях неопределенности боевой обстановки США могут неправильно истолковать такие военные мероприятия Китая, как, например, проведение учений или мобилизация ракетных войск. Вашингтон может посчитать это подготовкой к фактическому применению ядерного оружия и нанести упреждающий удар по ядерным силам и средствам Китая.

Возможно, такая беспечность в этом вопросе связана с давнишней политикой Китая не применять ядерное оружие первым ни при каких условиях. Китайские эксперты уверены, что их американские коллеги точно так же, как и они сами, знают, что Китай не собирается первым применять ядерное оружие в условиях неядерного конфликта. Эти эксперты считают маловероятным, что США примут другие действия китайских вооруженных сил за признаки надвигающегося ядерного удара. Например, один высокопоставленный китайский эксперт, который призна-

ет, что «противоспутниковое оружие может быть использовано для поражения систем командования, управления, связи и разведки», утверждает: «Использование противоспутникового оружия ядерными державами, придерживающимися политики неприменения ядерного оружия первыми, включая и Китай, не может по определению спровоцировать ядерный удар»⁵⁴. Эта точка зрения широко распространена в Китае, и она исключает возможность применения ядерного оружия в результате ошибочной интерпретации намерений противника и неверного толкования его действий. При этом не учитывается, что на то, как противник видит ситуацию и принимает решения, может повлиять такой фактор, как неопределен-

---

Неопределенность оперативной обстановки создает проблемы не только для противника, но и для обмена информацией между сторонами конфликта.

ность оперативной обстановки в результате использования передовых технологий, в том числе противоспутникового оружия.

Инциденты, происходившие в момент наибольшей неопределенности оперативной обстановки, могли оказаться действительно опасными. Например, если бы американские спутники системы раннего предупреждения получи-

ли повреждения в результате применения Китаем противоспутникового оружия, повысилась бы вероятность ложной тревоги о пуске ракет. Так, в 1995 году российские РЛС раннего обнаружения зафиксировали пуск норвежской метеорологической ракеты, который был ошибочно идентифицирован как возможный пуск американской баллистической ракеты морского базирования «Трайдент» (Trident). Многие аналитики считают, что Россия в конечном итоге обнаружила свою ошибку и отказалась от ответного ядерного удара благодаря группировке действующих спутников системы предупреждения о ракетном нападении, которые и помогли прояснить ситуацию⁵⁵. Предположим, что участниками такой ситуации были бы США и Китай, и допустим, что американские спутники системы раннего предупреждения не функционируют. В этом случае США пришлось бы полагаться на данные только наземных и морских РЛС для обнаружения и подтверждения правильности первичной информации о ракетном нападении, а это повысило бы вероятность ложной тревоги, проверить реальность которой было бы невозможно. Можно с высокой долей вероятности предположить, что в этом случае произойдет непреднамеренная эскалация конфликта, которая способна привести даже к обмену ядерными ударами. Судя по всему, китайские специалисты не только не анализируют такие сценарии, но даже не рассматривают их.

Неопределенность оперативной обстановки создает проблемы не только для противника, но и для эффективного обмена информацией между сторонами конфликта. Эта проблема особенно актуальна в свете того, что США расширяют использование безоператорных боевых систем, которые теоретически способны подорвать ядерный потенциал Китая.

Развертывание безоператорных боевых систем, в том числе АНПА, особенно в целях противолодочной обороны, создает новые проблемы в сфере информационного взаимодействия: например, проблему установления каналов связи между безоператорными боевыми системами одного государства и управляемыми экипажем системами другого государства. Некоторые безоператорные боевые системы автономны и не управляются дистанционно. Каналы дистанционного управления неавтономными безоператорными боевыми системами могут быть нарушены. Кроме того, безоператорные системы могут вообще не иметь средств связи. Таким образом, прямое сообщение между управляемой экипажем и безоператорной боевыми системами для уточнения намерений при их контакте в открытом море будет сопряжено с большими трудностями, чем в случае контакта двух систем с экипажем на борту. Действительно, вновь разработанный американо-китайский Меморандум о понимании правил поведения в целях безопасности воздушных и морских контактов едва ли будет легко применим для безоператорных систем⁵⁶. То есть, если что-то случится, к примеру, с дистанционно управляемым АНПА, его операторы могут столкнуться с трудностями при попытке оперативно установить причину происшествия и точно оценить намерения противника. Неопределенность, которая возникнет в этом случае, может привести к тому, что угроза будет преувеличена и произойдет непреднамеренная эскалация конфликта.

Более того, Китай уже сегодня предполагает, что американские АНПА в скором времени будут способны атаковать китайские ПЛАРБ. Ввиду этой обеспокоенности, если в ситуации кризиса Китай обнаружит свидетельства присутствия американских АНПА вблизи своих ПЛАРБ, их навигационных путей или военно-морских баз, он может решить, что у него нет иного выбора, кроме как допустить, что США осуществляют операции по противолодочной обороне против китайских ПЛАРБ⁵⁷. В ответ Китай мог бы привести свои ПЛАРБ в более высокую степень боевой готовности и привлечь другие силы и средства для проведения потенциально агрессивных действий с целью защиты своих ПЛАРБ. Такие действия способствовали бы росту напряженности. А если Вашингтон при этом неверно истолкует мотивы Китая, его реакция может быть чрезмерной. Если бы Китай увидел в действиях американских атомных многоцелевых подводных лодок (МПЛА) с экипажем на борту угрозу сво-

им ПЛАРБ, была бы похожая динамика эскалации, но в случае с безоператорными системами риски могут оказаться более серьезными. Но главное, АНПА могут вести себя более агрессивно по отношению к китайским подводным лодкам, чем МПЛА: командир такой лодки, скорее всего, будет более опытным, чем оператор АНПА, и у него гораздо более серьезные мотивы не подвергать риску свой корабль и его команду. Более того, именно из-за того, что МПЛА укомплектованы экипажем, Китай, возможно, будет более осторожен, принимая решение о контрмерах в отношении таких лодок, чем тогда, когда речь будет идти об АНПА.

Прочие технологии, такие как кибернетическое и гиперзвуковое оружие, способны ускорить динамику военных действий и сократить время на принятие решений, тем самым они усугубят проблемы, которые появляются в связи с неопределенностью боевой обстановки, и осложнят управление рисками эскалации. Например, американские генералы предупреждают, что гиперзвуковое оружие, искусственный интеллект и автоматические системы вооружения ускорят динамику будущих конфликтов и сделают будущие войны с Россией и Китаем «крайне смертоносными и стремительными»⁵⁸. Китайские эксперты высказывают такое же мнение в отношении кибернетического и сверхзвукового оружия, а также подчеркивают, что такое оружие «резко сокращает время реагирования», что означает необходимость разработки более совершенных технологий анализа разведывательных данных и прочей информации⁵⁹. В целом китайские эксперты, похоже, согласны с западными коллегами в том, что ускорение темпов современной войны несет в себе риск эскалации, но при этом они несколько более оптимистично оценивают перспективы управления рисками, поскольку полагают, что эти риски могут быть устранены или снижены с помощью разработки новых средств или оперативных процедур для удовлетворения растущей потребности в быстрой обработке информации и быстром принятии решений.

Решения об использовании ядерного оружия могут приниматься в условиях крайне ограниченного времени. Согласно открытому исследованию американской доктрины ответно-встречного удара, командование воздушно-космической обороны Североамериканского континента (NORAD) будет иметь в своем распоряжении всего лишь две-три минуты для оценки и подтверждения первоначальных данных системы раннего предупреждения о нанесении ракетного удара⁶⁰. В том случае, если будет применено кибернетическое оружие для вывода из строя компьютерных систем NORAD и воздействия на средства связи или обработки данных, подтвердить подлинность сигнала о ракетном нападении за это короткое время может оказаться невозможным. В таком случае президент США не сможет целиком увидеть картину происходящего и он (или она) будет вынужден (-а) принимать поспешные решения,

не обладая всей полнотой информации. Китайские аналитики не проводили значимых исследований того, как рост неопределенности оперативной обстановки мог бы повлиять на процесс принятия решений и китайским командованием, и другой стороной конфликта и таким образом повлиять на процесс эскалации.

ВЫВОДЫ

Из-за разработки и применения новейших неядерных технологий увеличивается степень переплетения ядерных и неядерных средств. Возможно, это приведет к тому, что динамика эскалации окажется более сложной и опасной. Большинство китайских экспертов, занимающихся проблематикой ядерных вооружений и стратегической безопасности, пока еще не приступили к изучению этого процесса, но многие уже выражают свою озабоченность. Тем не менее уже очевидно, что по целому ряду причин китайские и западные исследователи смотрят на этот вопрос с разных позиций.

Во-первых, из-за общей атмосферы недоверия между Китаем и некоторыми западными странами, в частности США, Китай не столь заинтересован в снижении потенциальных рисков эскалации, в том числе непреднамеренной. Существует мнение, что решения о том, следует ли идти на эскалацию или, напротив, деэскалацию кризиса, а также о том, когда и как именно это делать, непосредственно влияют на способность государства достичь поставленных стратегических целей. Поэтому Китай из-за конкурентного характера отношений с США не проявляет особого интереса к проведению совместных обсуждений рисков эскалации и поиску подходов к совместному урегулированию этой проблемы. В частности, Пекин опасается, что, если США перестанут беспокоиться из-за возможности эскалации в случае кризиса, они могут начать вести себя более агрессивно в мирное время и, когда это будет отвечать их интересам, пойти на эскалацию — вплоть до оказания давления на Пекин с помощью угрозы применения ядерного оружия.

Во-вторых, некоторые китайские эксперты, судя по всему, предполагают, что особое внимание США к вопросу о рисках эскалации связано с попытками помешать законным действиям Китая по модернизации своих вооруженных сил, особенно в том, что касается новых военных технологий, которые могут усугубить риски эскалации. В целом же сейчас приоритеты Пекина связаны с необходимостью разрабатывать современные виды вооружений для противодействия политике Запада, направленной на сдерживание Китая, что вытесняет на задний план проблему рисков, которые могут привести к эскалации.

В-третьих, не менее важное значение имеет традиционная для Китая стратегическая и военная культура. В отличие от их западных коллег китайские специалисты по стратегии традиционно не придают большого значения вопросам эскалации, особенно непреднамеренной. Даже в наше время пишут на эту тему лишь некоторые китайские эксперты, что уж говорить о проведении серьезных исследований. Отсутствие у Китая собственного опыта участия в серьезных ядерных кризисах мешает ему в оценке риска непреднамеренной эскалации.

В-четвертых, многие китайские эксперты придерживаются мнения, что военные технологии как таковые не влияют на вероятность эскалации. Вместо этого они подчеркивают значение конкретных стратегий развертывания и применения вооружений и утверждают, что в конечном счете все зависит именно от них. Нельзя не отметить, что пока в Китае не проводилось серьезных исследований на тему последствий конкретных стратегий развертывания сил и средств и их применения в контексте эскалации.

В-пятых, в результате высокой степени разобщенности китайского экспертного сообщества большинство китайских специалистов, занимающихся проблемой ядерных вооружений и стратегической безопасности, сосредоточиваются лишь на своей узкой теме. Однако серьезное изучение вопроса эскалации требует знаний как минимум в трех областях: политика Китая, касающаяся развертывания и применения стратегических вооружений, политика других государств в этой области, а также проблемы стратегии, военной дипломатии и контроля над вооружениями. Разобщенность экспертного сообщества препятствует продуктивному обмену мнениями, не дает сформироваться комплексному пониманию проблемы, необходимому для ее изучения. В результате не только китайское стратегическое сообщество не может полноценно заниматься вопросами эскалации, но и нет содержательного диалога с зарубежными экспертами.

В-шестых, даже в тех областях, где Китай и США признают существование проблемы эскалации, они расходятся в понимании того, какая из сторон ответственна за создание рисков и, следовательно, за их устранение. Например, в случае, если Китай нанесет удар по американским спутникам системы раннего предупреждения, США будут считать, что причиной рисков непреднамеренной эскалации стала китайская стратегия нанесения упреждающих ударов средствами противоспутникового оружия, в то время как с точки зрения китайских экспертов настоящей проблемой будет американская доктрина ответно-встречного удара. В результате каждая из сторон полагает, что ответственность за устранение или снижение рисков несет противник,

и не признает, что ей самой необходимо принять корректирующие меры. Столь узкий подход способствует расхождению взглядов на пути снижения рисков эскалации.

В-седьмых, китайских экспертов беспокоит, что некоторые предложения Запада по снижению рисков эскалации, например идея разделения ядерных и обычных сил, могут сыграть на руку потенциальным противникам, которым стало бы проще наносить удары по неядерным силам и средствам Китая. По этой причине, несмотря на то что Китай в прошлом не практиковал совместное размещение своих объектов ядерных и неядерных сил для защиты последних, военное командование страны пришло к выводу, что такое переплетение потенциально полезно для этих целей, и теперь не собирается приступать к процессу разделения, чтобы не увеличивать таким образом уязвимость своих неядерных сил.

Несмотря на проблемы и разногласия, важно, чтобы ядерные державы осознавали значение рисков непреднамеренной эскалации конфликта. Такие риски реальны и растут в результате переплетения ядерных и неядерных сил. Однако с китайской политической позиции они выглядят не столь серьезными, как с точки зрения многих иностранных экспертов.

Одна из причин такого расхождения — сомнения иностранных экспертов в том, что Китай будет придерживаться обязательства не применять ядерное оружие первым. Китай пошел на очень серьезный шаг, недвусмысленно и твердо приняв на себя обязательство ни при каких условиях не *угрожать* возможностью использования ядерного оружия первым. С китайской точки зрения, эта политика, в сущности, означает, что страна не рассматривает вариант эскалации неядерной войны в ядерный конфликт по ее инициативе. В силу своего глубокого понимания процессов формирования и проведения китайской ядерной политики большая часть китайских экспертов (если не все) полностью уверена в искренности этого обязательства. Все они считают, что у Китая нет (и никогда не будет) намерений применить ядерное оружие при отсутствии стопроцентного подтверждения того, что по Китаю уже нанесен ядерный удар. Они уверены, что принцип неприменения ядерного оружия первым является важным вкладом в предотвращение эскалации. И наоборот, многие иностранные аналитики склонны сомневаться в безусловности обязательства Китая не применять ядерное оружие первым и, соответственно, приходят к весьма пессимистичной оценке риска эскалации конфликта между США и Китаем.

Более того, высокая степень централизации китайской системы оперативного управления делает несанкционированное или поспешное применение ядерного

оружия Китаем гораздо менее вероятным, чем предполагают многие иностранные аналитики. Высокая степень централизации системы командования и управления — важная характеристика НОАК в целом, она относится как к обычным, так и к ядерным силам. На оперативном уровне здесь меньше свободы действий, чем во многих западных армиях, но при этом военачальники склонны избегать рисков, если нет четких указаний вышестоящего командования, что является важным аспектом военной культуры НОАК. То есть военачальники и командиры НОАК, скорее всего, не пойдут на резкие и решительные действия, даже если перед ними будет стоять выбор потерять возможность для нанесения быстрого ответного удара или осуществить поспешный пуск средств ядерного нападения.

Полномочия на применение ядерного оружия — прерогатива только высшего политического руководства Китая, причем, скорее всего, речь идет о группе лидеров, которая принимает коллективное решение, а не об одном конкретном человеке. Точнее говоря, решение по вопросам ядерного оружия принимает либо Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК, либо Центральный военный совет КНР (в некоторых случаях они действуют сообща). Благодаря такой структуре поспешное развязывание Пекином ядерной войны становится менее вероятным, чем это представляется некоторым иностранным аналитикам.

Кроме того, в последние годы Китай уделяет больше внимания рискам непреднамеренной эскалации. Взаимодействуя с западными коллегами, китайские официальные лица и эксперты сформировали более глубокое понимание потенциальных рисков. Китай сотрудничает с США по вопросу разработки кодексов и правил поведения в ситуациях, когда происходит соприкосновение военных средств этих стран в воздушном пространстве и на море. Хотя эти процедуры не имеют прямого отношения к ядерным силам и их нельзя назвать исчерпывающими, они свидетельствуют о растущем осознании Китаем рисков военных инцидентов и непреднамеренной эскалации, а также о заинтересованности в их устранении. Такая позиция Китая прокладывает путь к расширению дальнейшего взаимодействия и сотрудничества сторон в области снижения рисков применения ядерного оружия.

Вместе с тем в будущем могут появиться новые проблемы. По мере того как растет влияние западных концепций применения ядерного оружия, некоторые китайские эксперты высказываются в пользу адаптации американских практических подходов в этой области. Например, некоторые военные эксперты полагают, что Китаю следует отказаться от устоявшейся практики поддержания низкой степени готовности ядерного оружия в мирное время и рассмотреть возможность перехо-

да к концепции «пуск по сигналу предупреждения»⁶¹. Продолжающаяся в Китае разработка системы раннего предупреждения может заложить основу для такого сдвига, если будет принято решение изменить военную доктрину и оперативно-стратегические планы⁶².

Инвестирования США в новые военные технологии, включая кибернетическое оружие, способное воздействовать на системы командования, управления, связи и информации, безоператорные аппараты, несущие угрозу для ПЛАРБ противника, и гиперзвуковые вооружения, создающие ситуацию значительной неопределенности, будут мотивировать другие страны, в том числе Китай, следовать их примеру и вступать в конкурентную борьбу в области передовых технологий. Такое соперничество способно повысить уровень переплетения ядерных и обычных вооружений и осложнить управление эскалацией в будущем.

Для решения проблем переплетения обычных и ядерных вооружений и непреднамеренной эскалации необходимо укрепить политическое доверие между США и Китаем. Из-за его отсутствия Китай скептически относится к стратегическим намерениям США и не заинтересован во взаимодействии с американскими экспертами в этой области. Однако взаимодействие на оперативном уровне по вопросам снижения рисков эскалации и укрепления политического доверия на самом деле может стать взаимовыгодным. Долгосрочный и непрерывный диалог между зарубежными и китайскими экспертами о снижении технических рисков мог бы дать возможность обеим сторонам сформировать глубокое и разностороннее понимание позиций и опасений каждой из них. В перспективе такой процесс мог бы помочь сторонам постепенно уменьшить, а то и вовсе устранить обоюдные подозрения, что стало бы позитивным шагом на пути формирования политического доверия. Таким образом можно было бы запустить процесс взаимодействия.

Меры по укреплению доверия могли бы способствовать сотрудничеству в области снижения рисков эскалации, связанных со переплетением обычных и ядерных вооружений. Вашингтону стоило бы довести до сведения китайских руководителей, что он признает факт взаимной уязвимости и намерен строить свои оперативно-стратегические планы и военную доктрину на основе этого факта. Невозможно проверить, будет ли выполнено такое обязательство, но все-таки оно могло бы помочь уменьшить беспокойство Пекина, который подозревает, что Вашингтон сознательно стремится к применению неядерных средств против небольшого ядерного арсенала Китая. В свою очередь, это могло бы побудить Китай более позитивно отнестись к обсуждению с США вопросов переплетения ядерных и неядерных воору-

жений и приступить к совместной работе по вопросам конкретных рисков эскалации. Со своей стороны, Китай мог бы поделиться информацией о некоторых своих программах, предусматривающих переплетение ядерного и неядерного оружия и серьезно беспокоящих США. Например, Китай мог бы объяснить свою позицию по будущим китайским гиперзвуковым вооружениям — будут ли они оснащены обычными или ядерными боевыми частями, а также какие именно системы космического базирования могут рассматриваться как законные цели и при каких условиях.

Такого рода меры по обеспечению прозрачности не привели бы к раскрытию конфиденциальной военной информации или к подрыву национальной безопасности, но способствовали бы содержательной дискуссии, благодаря которой стороны стали бы лучше понимать позиции друг друга, а обеспокоенность угрозами и вероятность чрезмерной реакции в кризисной ситуации уменьшились. И США, и Китай заинтересованы в снижении рисков непреднамеренной эскалации, поэтому такой диалог, как хочется надеяться, приведет к содержательному обмену мнениями и определению односторонних и совместных мер по снижению рисков в эпоху развития новейших неядерных технологий.

СПИСОК НЕКОТОРЫХ СОКРАЩЕНИЙ ВОЕННЫХ ТЕРМИНОВ

- АНПА — Автономный обитаемый подводный аппарат
- БЧ — Боевая часть ракеты
- МБР — Межконтинентальная баллистическая ракета
- МПЛА — Многоцелевая подводная лодка атомная
- ПЛАРБ — Подводная лодка атомная с баллистическими ракетами
- ПЛО — Противолодочная оборона
- РЛС — Радиолокационная станция
- СЗІ — Система командования, управления, связи и информации
- ТНААД — Система высотной зональной обороны на театре военных действий

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Часть исследований в этом разделе основывается на следующих публикациях: *Zhao Tong*. Trust-Building in the U.S.-Chinese Nuclear Relationship: Impact of Operational-Level Engagement. Doctoral dissertation. — Georgia Institute of Technology, 2014 // <https://smartech.gatech.edu/handle/1853/53021>
2. *Mao Zedong*. 毛泽东军事文选 [Selected military works of Mao Zedong]. — Beijing: People's Liberation Army Soldiers Publishing House, 1981.
3. *Wang Jisi, Xu Hui*. 中美危机行为比较分析 [A comparative analysis of Sino-U.S. crisis behavior]. — 美国研究 [America Studies]. № 2. 2005.
4. *Yu Yi*. 由珍宝岛引发的中苏核战危 [Sino-Soviet nuclear crisis caused by Zhenbao Island]. — 党员干部之友 [Friends of Party Members and Cadres]. № 12. 2009; *Chen Hao*. 周恩来在珍宝岛事件前后 [Zhou Enlai before and after the Zhenbao Island clashes]. — 党史博采纪实 [Extensive Collection of the Party History]. № 1. 2010; *Burr W.* Sino-American Relations, 1969: The Sino-Soviet Border War and Steps Towards Rapprochement. — Cold War History 1. № 3. 2001.
5. *Bobrow D. B., Chan S., Kringen J. A.* Understanding Foreign Policy Decisions: The Chinese Case. — N. Y.: Free Press, 1979.
6. *Zhang Tuosheng*. 张沅生谈设立国家安全委员会 全球性大国要拼危机管控 [Zhang Tuosheng discusses the establishment of the State Security Committee]. — 国家人文历史 [National Culture History]. № 24. 2013.
7. *Swaine M. D., Zhang Tuosheng, Cohen D. F. S.* Managing Sino-American Crises: Case Studies and Analysis. — Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2006.
8. *Forden G.* How China Loses the Coming Space War (Pt. 1). — Wired. — January 1, 2008 // <https://www.wired.com/2008/01/inside-the-chin/>
9. Office of the Secretary of Defense. Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2016. — Department of Defense. — 2016.
10. *Zenko M.* Dangerous Space Incidents. — Contingency Planning Memorandum № 21. — Council on Foreign Relations. — April 16, 2014 // <https://www.cfr.org/report/dangerous-space-incidents>
11. *Opall-Rome B.* U. S. Wants a Space Debris Hotline With China Patterned on the One With Russia. — SpaceNews. — February 13, 2012 // <http://spacenews.com/us-wants-space-debris-hotline-china-patterned-one-russia-0/>
12. Конфиденциальный разговор авторов данной публикации с китайскими атомщиками в Пекине в июле 2016 года.
13. *Lewis J. W., Xue Litai.* Imagined Enemies: China Prepares for Uncertain War. — Stanford, CA: Stanford University Press, 2006.
14. *Logan D. C.* Drawing a Line Between Conventional and Nuclear Weapons in China. — Bulletin of the Atomic Scientists. — May 5, 2015 // <http://thebulletin.org/drawing-line-between-conventional-and-nuclear-weapons-china8304>
15. *Glosny M., Twomey C., Jacobs R.* U.S.-China Strategic Dialogue, Phase VIII Report. — Naval Postgraduate School. — August, 2014.
16. *Forden G.* How China Loses the Coming Space War; *Seitz S.* Dynamics of Space Weaponization and the ASAT Threat. — Global Intelligence Trust. — July 14, 2016 // <http://www.globalintelligencetrust.com/sam-seitz/dynamics-of-space-weaponization-and-the-asat-threat;> *Opall-Rome B.* U. S. Wants a Space Debris Hotline...
17. *Cunningham F. S., Fravel M. T.* Assuring Assured Retaliation: China's Nuclear Posture and US-China Strategic Stability. — International Security 40. № 2. 2015. — P. 45.

18. *Li Bin, et al.* Why Is China Modernizing Its Nuclear Arsenal? — Carnegie International Nuclear Policy Conference. — Washington, DC. March 24, 2015 // <http://carnegieendowment.org/2015/03/24/why-is-china-modernizing-its-nuclear-arsenal-pub-57516>
19. *Wang Changqin, Fang Guangming.* 我们为什么要发展东风-26弹道导弹 [Why we need to develop DF-26 ballistic missiles]. — China Youth Daily. — November 23, 2015.
20. *Acton J. M.* Silver Bullet? Asking the Right Questions About Conventional Prompt Global Strike. — Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2013.
21. *Xia Liping.* ‘高边疆’ 理论视阈下美国全球快速常规打击计划 [U. S. Conventional Prompt Global Strike plan from the “high frontier” theory perspective]. — 国际观察 [International Observer]. № 5. 2014; *Yao Yunzhu.* China Will Not Change Its Nuclear Policy. — China-US Focus. — April 22, 2013 // <http://www.chinausfocus.com/peace-security/china-will-not-change-its-no-first-use-policy>
22. *Rumsfeld D. H.* Foreword. — Nuclear Posture Review Report. — Department of Defense. — 2002 // <http://archive.defense.gov/news/Jan2002/d20020109npr.pdf>
23. *Starr B., Browne R.* Pentagon Demands China Return US Underwater Drone. — CNN. — December 17, 2016 // <http://edition.cnn.com/2016/12/16/politics/chinese-warship-underwater-drone-stolen/>
24. U. S. Department of the Navy. The Navy Unmanned Undersea Vehicle (UUV) Master Plan. — November 9, 2014 // <http://www.navy.mil/navydata/technology/uuvmp.pdf>
25. *Zi Mo.* 中美南海暗战升级 潜航器牵出核潜艇 [China-U.S. hidden war in South China Sea escalates: Underwater drone related to nuclear submarine]. — Duowei. — December 17, 2016.
26. *Dai Xu.* 太空战幽灵逼近 [The ghost of space war is coming closer]. — 党政干部参考 [Party & Government Forum]. № 8. 2010.
27. *Zhao Chu.* 太空战: 挑战, 重点与对策一本刊召集解放军专家研讨太空战趋势与对策 [Space war: Challenges, priorities, and countermeasures — The editor hosted a workshop for PLA experts to discuss the trend of space warfare and countermeasures]. — 国际展望 [International Outlook]. № 9. 2001.
28. *Gruss M.* U. S. State Department: China Tested Anti-Satellite Weapon. — SpaceNews. — July 28, 2014 // <http://spacenews.com/41413us-state-department-china-tested-anti-satellite-weapon/>; *Gertz B.* China Tests Anti-Satellite Missile. — Washington Free Beacon. — November 5, 2015 // <http://freebeacon.com/national-security/china-tests-anti-satellite-missile/>
29. Из интервью, проведенных авторами в июне — июле 2016 года.
30. *Sankaran J.* Limits of the Chinese Antisatellite Threat to the United States. — Strategic Studies. № 19. 2014.
31. США и Южная Корея намереваются модернизировать ракетный комплекс Patriot PAC-2, дислоцированный в Южной Корее, до уровня Patriot PAC-3.
32. *Fan Gaoyue.* 韩国部署“萨德”弊大于利 [THAAD in South Korea: Potential harm outweighs benefits]. — 中美聚焦 [China-U.S. Focus]. — April 13, 2016 // <http://cn.chinausfocus.com/peace-security/20160413/4811.html>
33. Clinton Says U. S. Could “Ring China With Missile Defense”. — Chicago Tribune. — October 14, 2016 // <http://www.chicagotribune.com/news/nationworld/politics/ct-hillary-clinton-china-20161014-story.html>; *He Xingqiang.* 美日搭建导弹防御系统剑指何方 [What are the United States and Japan aiming at for deploying missile defense]. — 中国国防报 [China National Defense News]. — July 10, 2017.
34. *Wu Riqiang.* 美国要在韩国部署‘萨德’, 对中国国家安全会有哪些影响? [U. S. to deploy THAAD in South Korea: Implications for China's national security]. — 腾讯讲武堂

- [Tencent Military Forum]. — 2014 // http://www.globalview.cn/html/military/info_9055.html;
Li Bin. The Security Dilemma and THAAD Deployment in the ROK. — *Kyunghyang Daily*. — August 3, 2016.
35. *Di Yafei*. 六位大使将军激辩‘萨德’：韩国是不是中国的‘敌人’？ [Six ambassadors and generals debate THAAD: Is South Korea China's enemy?] — *环球时报* [Global Times]. — July 14, 2016 // <http://mil.news.sina.com.cn/jssd/2016-07-14/doc-ifuuqhu0347552.shtml>
36. *Wu You*. 解放军：若开战第一时间打掉萨德基地 [PLA: If war, will take out THAAD at the first opportunity]. — *多维新闻* [DW News]. — July 11, 2016 // <http://global.dwnews.com/news/2016-07-11/59752736.html>
37. *Fang Yong*. 2015 年世界武器装备与军事技术发展重大动向 [Major trend of military equipment and technology development in the world in 2015]. — *军事文摘* [Military Digest]. № 23. 2015; *Deng Sijia*. 美研发反导新技术：无人机发射激光 敌发射前打击 [U. S. develops new anti-missile technologies: UAV-borne laser and left of launch]. — *解放军报* [PLA Daily]. — October 28, 2016.
38. *Gertz B*. Pentagon Developing Pre-Launch Cyber Attacks on Missiles. — *Washington Free Beacon*. — April 14, 2016 // <http://freebeacon.com/national-security/pentagon-developing-pre-launch-cyber-attacks-missiles/>; *Freedberg S. J. Jr*. Joint Staff Studies New Options for Missile Defense. — *Breaking Defense*. — September 16, 2015 // <http://breakingdefense.com/2015/09/joint-staff-studies-new-options-for-missile-defense/>
39. *Sanger D. E., Broad W. J.* Trump Inherits a Secret Cyberwar Against North Korean Missiles. — *New York Times*. — March 4, 2017 // <https://www.nytimes.com/2017/03/04/world/asia/north-korea-missile-program-sabotage.html>
40. *Ellison R*. Left of Launch. — *Missile Defense Advocacy Alliance*. — March 16, 2015 // <http://missiledefenseadvocacy.org/alert/3132/>
41. Политика и программы в области противоракетной обороны: слушания в подкомитете сената США по вооруженным силам по вопросам стратегических сил. Заявление первого помощника заместителя министра обороны по политическим вопросам оборонной политики Брайана П. МакКеона. — 13 апреля 2016 года // https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/McKeon_04-13-16.pdf
42. Политика и программы в области противоракетной обороны: слушания в подкомитете сената США по вооруженным силам по вопросам стратегических сил. Выступление генерал-лейтенанта Дэвида Л. Манна, командующего силами космической и ракетной обороны армии США. — 13 апреля 2016 года // https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Mann_04-13-16.pdf
43. Proactive Cyberdefence for Critical Infrastructure. — *Defence Turkey* 8. № 48. 2013.
44. *Cimbala S. J.* Chinese Military Modernization: Implications for Strategic Nuclear Arms Control. — *Strategic Studies Quarterly* 9. № 2. 2015 (Summer) // http://www.airuniversity.af.mil/Portals/10/SSQ/documents/Volume-09_Issue-2/cimbala.pdf
45. 美国50枚核弹失控 世界惊魂一小时 [50 U. S. nuclear missiles lost control and the world was frightened for one hour]. — *CNTV*. — November 1, 2010 // <http://tv.cntv.cn/video/C11237/d31e43c4849c4d92131a64a653619561>
46. *Cheng Qun, He Qisong*. 构建中国网络威慑战略 [Constructing China's cyber deterrence strategy]. — *中国信息安全* [China Information Security]. № 11. 2015.
47. *Liu Xueguan, et al.* 电磁脉冲弹及其防护 [Electromagnetic pulse bombs and their defense]. — *通信技术* [Communication Technology]. № 9. 2003.
48. *Ibid.*

49. *Clarke R. A., Andreasen S.* Cyberwar's Threat Does Not Justify a New Policy of Nuclear Deterrence. — Nuclear Threat Initiative. — June 14, 2013 // <http://www.nti.org/analysis/opinions/cyberwars-threat-does-not-justify-new-policy-nuclear-deterrence/>
50. *Liu Yangyue.* 网络空间国际冲突与战略稳定性 [International conflicts in cyberspace and strategic stability]. — 外交评论 [Foreign Affairs Review]. № 4. 2016.
51. *Dean Cheng.* Prospects for Extended Deterrence in Space and Cyber: The Case of the PRC. — Heritage Foundation. — January 21, 2016 // <http://www.heritage.org/defense/report/prospects-extended-deterrence-space-and-cyber-the-case-the-prc>
52. *Von Clausewitz C.* On War / Translated and edited by Michael Howard and Peter Paret. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 1976; *Errol Morris.* The Fog of War: Eleven Lessons From the Life of Robert S. McNamara. — Sony Pictures Classics. — 2003; *Owens W. E., Offley E.* Lifting the Fog of War. — Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2001.
53. *Li Dalu.* 论“不对称”军事制衡” [On asymmetrical military counterbalance]. — 太平洋学报 [Pacific Journal] 23. № 5. 2015; *Li Dan, Jiao Yanping, Gao Xiaoling, Wang Min.* 反卫星武器及其防御措施研究综述 [Research on anti-satellite weapons and countermeasures]. — 测控技术 [Measurement and Control Technology]. № 28. 2009.
54. *Wu Chunsi.* The Antisatellite Smoke Screen. — Bulletin of the Atomic Scientists. — May 28, 2015 // <http://thebulletin.org/space-weapons-and-risk-nuclear-exchanges/antisatellite-smoke-screen>
55. *Forden.* How China Loses the Coming Space War; *Forden G., Podvig P., Postol T. A.* False Alarm, Nuclear Danger. — IEEE Spectrum 37. № 3. 2000.
56. U. S. Department of Defense and PRC Ministry of National Defense. Memorandum of Understanding on the Rules of Behavior for Safety of Air and Maritime Encounters Between the Department of Defense of the United States of America and the Ministry of National Defense of the People's Republic of China. — November 9–10, 2014 // http://archive.defense.gov/pubs/141112_MemorandumOfUnderstandingRegardingRules.pdf
57. *Liu Chang.* 美军无人潜航器对中国有何危害? [What threats do U. S. unmanned underwater vehicles pose to China?] — 凤凰军评 [Phoenix Military Analysis]. — December 19, 2016; *Zhang Qiang.* 无人潜航器到底是个什么“神器” [What exactly is the unmanned underwater vehicle?] — 科技日报 [Science and Technology Daily]. — December 17, 2016.
58. *Osborne S.* Future War With Russia or China Would Be “Extremely Lethal and Fast”, US Generals Warn. — Independent. — October 6, 2016 // <http://www.independent.co.uk/news/world/future-war-russia-china-us-extremely-lethal-fast-artificial-intelligence-cyber-warfare-a7347591.html>
59. *Yan Guoqun, Tao Zhonghua.* 世界新兵器: 高超音速武器发展引人注目 [New weapon in the world: The development of hypersonic weapons draws attention]. — 解放军报 [PLA Daily]. — February 19, 2003; *Chen Guangwen.* 高超音速武器成大国新竞技场 [Hypersonic weapons become a new area of new great power competition]. — 国际先驱导报 [International Herald Tribune]. — March 29, 2016.
60. Is Launch Under Attack Feasible? — Nuclear Threat Initiative. — August 4, 2016 // <http://www.nti.org/analysis/articles/launch-under-attack-feasible/>
61. *Shou Xiaosong.* 战略学 [The Science of Military Strategy]. — Beijing: Military Science Press, 2013.
62. *Zhao Tong.* Strategic Warning and China's Nuclear Posture. — Diplomat. — May 28, 2015 // <http://thediplomat.com/2015/05/strategic-warning-and-chinas-nuclear-posture/>

ПРАКТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ С АМЕРИКАНСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

ЛЮБАЯ ПОПЫТКА УМЕНЬШИТЬ риски непреднамеренной эскалации, связанные с возрастанием степени переплетения неядерных вооружений с ядерными и с их вспомогательными силами и средствами, должна начинаться с серьезного анализа этих рисков. Если учесть, что они во многом зависят от субъективных факторов — того, как стороны конфликта трактуют намерения друг друга, — очень важно, чтобы Вашингтон понимал проблемы, которые волнуют Москву и Пекин, а Москва и Пекин — проблемы, которые волнуют Вашингтон (при этом не важно, насколько серьезны и обоснованны сами проблемы).

В этом контексте наиболее значимым представляется следующий вывод, сделанный на основе анализа, проведенного в предыдущих главах: в рамках как традиционного, так и современного стратегического подходов и в Китае, и в России уделяется очень мало внимания ситуации непреднамеренной эскалации. Эксперты этих стран практически никогда не говорят о том, насколько она опасна, — в отличие от авторов данной публикации (и это относится даже к Туну Чжао и Ли Биню, хотя они и подчеркивают, что настроены несколько более оптимистично, чем многие их западные коллеги). И в Китае, и в России широко распространено убеждение, что любое повышение уровня агрессии в условиях конфликта будет продуманным и контролируемым. Например, российские исследователи Алексей Арбатов, Владимир Двор-

кин и Петр Топычканов отмечают: «Российские специалисты пусть неосознанно, но все же исходят из допущения, что решение о применении военной силы, в том числе ядерных вооружений, принимается на основе рационального подхода». В подобном ключе рассуждают и Тун Чжао и Ли Бинь, приводя в пример традиционную для китайцев уверенность в том, что высшее командование всегда надежно контролирует военные действия и полностью ими управляет. А ситуации неопределенности, которые могут возникнуть во время войны, или вероятность того, что высшие военачальники не смогут в полной мере оценить военную обстановку или эффективно контролировать военные действия, серьезно не рассматриваются.

По иронии судьбы уверенность в том, что непреднамеренная эскалация конфликта практически невозможна, в действительности делает ее более вероятной. Дело в том, что из-за этой уверенности в мирное время политические и военные лидеры не склонны идти на снижение рисков, а в военное время они скорее будут интерпретировать неоднозначные события в самом негативном свете.

Москва и Пекин считают, что США планируют ослабить их потенциалы ядерного сдерживания с помощью своих современных неядерных вооружений. В результате неядерные военные действия США, которые непреднамеренно затронули бы ядерные силы одной из этих двух стран, могут быть истолкованы как начало неядерной контрсилловой операции. В условиях серьезного конвенционального конфликта вероятность таких операций становится пугающе высокой. Так, Алексей Арбатов, Владимир Дворкин и Петр Топычканов отмечают, что «российские стратегические подводные лодки и бомбардировщики дислоцируются на тех же самых базах, что и корабли и самолеты многоцелевого назначения, и удары, на них направленные, могут непреднамеренно поразить стратегические средства».

Еще более опасной может оказаться ситуация, когда неядерные вооружения применяются против вспомогательных сил и средств двойного назначения, особенно против спутников системы раннего предупреждения. И здесь обе группы авторов этого исследования придерживаются нетипичной для экспертов этих стран позиции, что к эскалации могут привести не только удары США по Китаю или России, но также и китайские или российские удары по США.

Например, Тун Чжао и Ли Бинь отмечают, что в китайском стратегическом сообществе озвучиваются предложения в случае конфликта нанести удар по американским спутникам системы раннего предупреждения, чтобы «ослабить боевые возможности противоракетной обороны США на театре военных действий и тем самым обес-

печить эффективность неядерных ракетных ударов Китая по американским и (или) тайваньским целям в этом регионе». Тун Чжао и Ли Бинь продолжают:

Несмотря на то что некоторые китайские эксперты понимают, что эти спутники также обеспечивают раннее обнаружение стратегических средств ядерного нападения, они, по всей видимости, полагают, что США смогут правильно интерпретировать применение противоспутниковых систем в войне, которая носит неядерный, ограниченный и региональный характер. И аргументом в пользу такого предположения они считают то обстоятельство, что Китай очевидным образом не располагает боевыми возможностями для нанесения серьезного ущерба мощным ядерным силам США, то есть с военной точки зрения было бы неразумно даже пытаться добиться такой цели. Однако китайские эксперты упускают из виду возможность того, что США истолкуют такие удары как подготовку Китая к тому, чтобы первым применить ядерное оружие с целью устрашения противника, а отнюдь не как попытку нанести обезоруживающий удар.

И все же основное внимание обеих — российской и китайской — групп авторов этой публикации уделено рискам эскалации, обусловленным боевыми возможностями США. Обе группы высказывают беспокойство в связи с различными технологическими разработками, в частности — гиперзвуковых ракетно-планирующих систем. Согласно Туну Чжао и Ли Биню, китайские эксперты «всегда считали, что США заинтересованы в преднамеренном использовании гиперзвукового оружия в целях нанесения упреждающего удара по ядерным силам Китая», в результате чего Пекин будет «склонен интерпретировать неоднозначные действия США как нападение на его ядерные силы». (В отличие от баллистических ракет, ракетно-планирующие средства являются маневренными, поэтому их цели остаются неизвестными противнику вплоть до момента попадания. Запуск Вашингтоном такого средства в район Китая, где размещены объекты и ядерных, и неядерных сил, спровоцировал бы ситуацию неопределенности.)

Между тем Алексей Арбатов, Владимир Дворкин и Петр Топычканов основное внимание уделяют проблемам обнаружения удара ракетно-планирующими средствами. Раннее обнаружение особенно важно для России, которая все еще в значительной степени придерживается стратегии ответно-встречного удара как способа обеспечения выживаемости своих межконтинентальных баллистических ракет (МБР). Алексей Арбатов, Владимир Дворкин и Петр Топычканов утверждают:

Наземные РЛС способны обнаружить приближающийся планирующий летательный аппарат только на конечном участке траектории его полета, что на самом

деле слишком поздно для того, чтобы запустить МБР до их поражения противником. В результате нанесение ответно-встречного удара пришлось бы осуществлять исключительно по данным спутников, которые засекли пуск ракетно-планирующих средств, без подтверждения факта нападения наземными РЛС.

Очевидно, что пуск МБР, основанный лишь на одной технологии обнаружения, — нежелательная стратегия для России. Со временем Китай также может оказаться в подобной ситуации. Тун Чжао и Ли Бинь отмечают, что в Китае звучат призывы принять стратегию «пуска по сигналу предупреждения» и что там уже разрабатывают технологию, которая сделает это возможным. Если Китай пойдет на такое изменение стратегии, он столкнется с теми же проблемами, что и Россия при подготовке планов противодействия удару с применением ракетно-планирующих средств со стороны США.

При этом у России и Китая очень разные ядерные доктрины и оперативно-стратегические планы и столь же разное представление о характере конвенциональной войны, которую каждая из этих стран могла бы вести против США. Поэтому и динамики эскалации американо-российского и американо-китайского конфликтов могут существенно различаться. Очень важно понимать специфику каждого из этих сценариев.

Центральное место в современных российских стратегических разработках занимает концепция «воздушно-космической войны» против США и НАТО. И хотя, по мнению Алексея Арбатова, Владимира Дворкина и Петра Топычканова, смысл этой концепции крайне расплывчат, воздушно-космическая война рассматривается в ней как «долговременный единый технический и оперативный континуум применения обычных и ядерных, оборонительных и наступательных, баллистических и аэродинамических систем оружия». Они утверждают, что такой конфликт создаст «почву для переплетения обычных и ядерных вооружений».

Свой вклад в такое переплетение вносит и ядерная стратегия Москвы. Россия обладает обширным арсеналом тактического ядерного оружия и может применить его на ранней стадии конфликта. По оценке Алексея Арбатова, Владимира Дворкина и Петра Топычканова, эти ядерные вооружения «могут стать объектом непреднамеренного нападения... поскольку средства их доставки размещены на базах, находящихся вблизи мест дислокации частей и вооружений сил общего назначения, и могут быть применены совместно с ними». Еще большее беспокойство вызывает то обстоятельство, что переплетение обычного и ядерного оружия может побудить Россию к нанесению «выборочных упреждающих стратегических ядерных ударов» в попыт-

ке «помешать военно-морским и военно-воздушным силам США, участвующим в конвенциональном вооруженном конфликте, действия которых были восприняты как неядерный контрсилловой удар по аэродромам, базам ВМФ и по их системам командования, управления, связи и информации». Следует подчеркнуть, что нанесение ограниченных ядерных ударов не является частью официальной политики России, но эту стратегию открыто поддерживают эксперты, связанные с государственными структурами страны. При этом западные аналитики (или как минимум те из них, у кого нет доступа к секретным данным), по-видимому, не заметили дискуссий на эту тему.

У Китая ядерных сил гораздо меньше, и они не столь диверсифицированы, как российские. К тому же Китай принял на себя обязательство не применять ядерное оружие первым. Но несмотря на то, что такая доктрина защищает от некоторых рисков вовлечения в конфликт, она одновременно может усугубить другие. Например, из-за того, что ядерные силы Китая намного меньше российских, Пекин может больше беспокоиться о возможности противосилового удара обычными средствами — даже если применение Китаем ядерного оружия для нападения на неядерные силы США, которые, по мнению Пекина, могут угрожать его ядерным средствам сдерживания, представляется крайне маловероятным. Важно отметить следующее: по мнению Туна Чжао и Ли Биня, из-за недоверия между Вашингтоном и Пекином потенциальная выгода от того, что Китай придерживается именно такой доктрины, оказывается не столь значительной, какой могла бы быть. В частности, китайские эксперты в целом выражают «полную уверенность» в том, что Китай собирается придерживаться взятых обязательств не применять ядерное оружие первым. Поэтому они склонны полагать, что Вашингтон не станет толковать неоднозначные действия Китая, — например, нанесение ударов по американским спутникам системы раннего предупреждения — как подготовку к применению ядерного оружия. Тун Чжао и Ли Бинь признают, что многие западные эксперты «сомневаются в том, что Китай будет придерживаться обязательства не применять ядерное оружие первым при любых условиях», но при этом считают, что это далеко не единственная проблема, на которую может повлиять взаимное непонимание.

Характер возможных рисков эскалации зависит и от стратегической географии театра военных действий. Операции ВМС, которые стали бы важным средством боевой поддержки наземной войны в Европе, разворачивались бы в самом центре американо-китайского конфликта¹. Это значит, что могут возникнуть опасные контакты между американскими автономными необитаемыми подводными аппаратами (АНПА) и формирующимися силами китайских атомных подводных лодок, во-

оруженных баллистическими ракетами (ПЛАРБ). По словам Туна Чжао и Ли Биня, в Китае озабочены тем, что в ближайшем будущем «АНПА могут быть развернуты на входе на базу подводных лодок или в узких морских проливах для отслеживания их местонахождения и передвижения». Такие операции могли бы не только угрожать китайским ПЛАРБ и многоцелевым подводным лодкам, но имели бы и другие последствия: «Даже если США захотят создать угрозу только многоцелевым подводным лодкам Китая, но не ПЛАРБ, возникнет реальный риск того, что Китай тем не менее решит, что его ядерные силы и средства сдерживания морского базирования находятся в опасности». Такое переплетение ядерных и неядерных вооружений может затронуть не только АНПА. Американские многоцелевые подводные лодки тоже могут нести угрозу как для китайских ПЛАРБ, так и для многоцелевых подводных лодок. И все же именно АНПА делают эту проблему более серьезной — не в последнюю очередь потому, что они могут быть развернуты в гораздо более значительном количестве, чем многоцелевые подводные лодки, а также потому, что из-за отсутствия экипажа перед АНПА могут быть поставлены задачи более агрессивного характера, но при этом и более рискованные, чем те, которые обычно выполняют многоцелевые подводные лодки.

Одно важное и труднообъяснимое различие между российскими и китайскими субъективными оценками связано с вероятностью проведения кибернетических атак на системы командования, управления, связи и информации ядерных сил и системы двойного назначения. Тун Чжао и Ли Бинь отмечают, что «китайские аналитики демонстрируют высокую степень информированности и понимания потенциальной уязвимости китайской системы оперативного управления ядерными силами, особенно в случае несанкционированного кибернетического проникновения в эту систему». В свете этой предполагаемой уязвимости они анализируют, как установление факта проникновения в сеть системы оперативного управления ядерными силами способно стать серьезнейшей причиной для эскалации, даже если единственной целью атакующей стороны был шпионаж. Напротив, Алексей Арбатов, Владимир Дворкин и Петр Топычканов в меньшей степени озабочены последствиями применения кибернетического оружия (хотя и предупреждают, что из-за секретности, которая окружает эту область, невозможно сформулировать «даже приблизительные» выводы по этому вопросу). В частности, они утверждают, что, хотя некоторые компоненты существующей в стране системы оперативного управления ядерными силами, включая спутники системы раннего предупреждения, могут оказаться уязвимыми в случае кибернетического вмешательства, системы прямой коммуникации со стратегическими ядерными силами «изолированы и обладают высоким уровнем защиты» и «по всей вероятности, неуязвимы для кибернети-

ческих атак». Российское аналитическое сообщество разделяет этот взгляд — по крайней мере это единственный вывод, к которому можно прийти в условиях отсутствия российских публикаций по этой проблематике. Бесспорно, в рамках усилий по оценке рисков эскалации конфликта наиболее значимыми являются взгляды и оценки представителей российских государственных органов и вооруженных сил, и остается неясным, совпадают ли они с позицией аналитиков из неправительственных структур.

Наиболее реалистичный — как минимум на первых порах — путь к устранению или снижению уровней указанных выше рисков эскалации — это путь принятия односторонних мер. Некоторые из них, включая пересмотр планов ведения военных действий, неизбежно должны держаться в тайне, что делает затруднительной оценку изменений в этой области. И тем не менее такие усилия могут оказаться достаточно эффективными. В конечном итоге риски эскалации, возникающие вследствие переплетения обычных и ядерных сил, зависят не только от того, какие именно системы вооружений закупаются государством в мирное время и как они применяются в военное, но и от понимания военно-политическим руководством того обстоятельства, что могут возникнуть проблемы интерпретации — как с той, так и с другой стороны. Лица, отвечающие за принятие стратегических решений в условиях кризиса, должны быть лучше информированы о рисках непреднамеренной эскалации и осознавать всю сложность этой ситуации. Что должно найти свое отражение в политике закупок военной техники и снаряжения, а также в военном планировании. Это могло бы стать эффективным подходом к снижению рисков. Уточним: «отражение» рисков эскалации в политике и планировании не означает, что указанные факторы должны превалировать над вопросами стратегии и тактики. Они должны быть аргументом при формировании взвешенного и разумного подхода к принятию решения о том, отвечает ли новая система вооружения или оперативная концепция интересам государства.

В идеале Китай, Россия и Соединенные Штаты должны приступить к этому процессу, не оглядываясь на действия друг друга. Конечно, учитывая, что Китай и Россия считают непреднамеренную эскалацию маловероятной, довольно сомнительно, что Пекин или Москва начнут действовать в этом направлении, да и ситуация в США выглядит не намного более оптимистичной — вряд ли нынешняя администрация будет уделять больше времени и внимания этому вопросу. И тем не менее правительства трех государств должны осознавать, что они не только ничего не потеряют, если начнут односторонние и засекреченные действия в этой области, но могут многое приобрести. Аналитики из неправительственных структур всех трех государств

могли бы сыграть положительную роль, укрепляя и усиливая взаимодействие со своими правительствами — как публично, так и в частном порядке, сообразно обстоятельствам — и привлекая их внимание к тому, насколько серьезными могут оказаться риски эскалации.

Вторым шагом на этом пути, который может быть сделан одновременно с первым, могли бы стать межправительственные обсуждения указанных проблем. На начальном этапе целью такого диалога может быть формирование более точной оценки рисков эскалации — за счет того, что стороны станут лучше понимать точку зрения потенциального противника. С учетом влияния, которое имеют сопутствующие факторы и общий контекст на формирование рисков эскалации, целесообразно провести американо-китайские и американо-российские обсуждения по отдельности, а не в формате единого трехстороннего процесса.

Принцип взаимности — который предполагает, что каждая из сторон действительно станет лучше понимать позиции других участников диалога, — станет важнейшим фактором устойчивого развития переговорного процесса. Тун Чжао и Ли Бинь уже сделали первые шаги в этом направлении, определив конкретные области, в рамках которых Китай мог бы объяснить Соединенным Штатам свои подход и логику. Они утверждают, что если бы Вашингтон заверил «китайских руководителей, что он признает факт взаимной уязвимости и намерен строить свои оперативно-стратегические планы и военную доктрину на основе этого факта», то Пекин был бы готов «объяснить свою позицию по будущим китайским гиперзвуковым вооружениям — будут ли они оснащены обычными или ядерными боевыми частями, а также какие именно системы космического базирования могут рассматриваться как законные цели и при каких условиях». Исследования Алексея Арбатова, Владимира Дворкина и Петра Топычанова дают основания полагать, что указанные выше проблемные вопросы — перспективные неядерные вооружения и выживаемость средств космического базирования системы оперативного управления ядерными силами — могут быть темой плодотворного диалога и между США и Россией. Рассмотрение вопросов взаимодействия кибернетических вооружений и системы оперативного управления ядерными силами могло бы стать третьей точкой пересечения интересов в рамках американо-китайских и американо-российских дискуссий. Что касается России, то такие дискуссии, как представляется, стоило бы начинать с базового вопроса — видит ли тут Москва предмет для разговора.

США и Россия согласились обсуждать вопросы стратегической стабильности, и эскалационные последствия переплетения обычных и ядерных вооружений могли

бы быть рассмотрены в ходе такого обсуждения. Первый раунд переговоров состоялся в сентябре 2017 года, но пока нет особых оснований ни для оптимизма, ни для предположения, что эти переговоры приведут к содержательному и продуктивному диалогу. Начать американо-китайские переговоры может оказаться еще сложнее в свете причин, изложенных Туном Чжао и Ли Бинем. Между тем параллельные обсуждения с участием специалистов, не имеющих официального статуса, могли бы заполнить пробел в двустороннем общении и, хотелось бы надеяться, проложить путь к началу межправительственного диалога.

В долгосрочной перспективе укрепление доверия и даже появление формальных инструментов контроля могут сыграть важную роль в снижении рисков, хотя пока будущее этой области выглядит довольно неопределенным (дело в том, что этим мерам должны предшествовать межправительственные обсуждения, но и до этого пока еще очень далеко). Тем не менее правительства этих стран могут и должны начать работу по формированию и оценке предложений по указанной проблеме.

Что касается диалога США и России, хорошей отправной точкой могли бы стать три конкретных предложения, сформулированных Алексеем Арбатовым, Владимиром Дворкиным и Петром Топычкановым: заключение соглашений о прозрачности, которые препятствовали бы «негласному сосредоточению» средств доставки крылатых ракет морского и воздушного базирования в пределах досягаемости «стратегических целей» другой стороны; заключение соглашения о запрете на испытания и развертывание специализированных видов противоспутникового оружия и учет межконтинентальных ракетно-планирующих средств в рамках основных предельных уровней последующего за СНВ-3 соглашения. Вашингтон и Москва должны решить, приемлемы ли для них эти предложения, а если нет — можно ли их модифицировать с тем, чтобы они устраивали обе стороны. Например, Вашингтон уже давно беспокоит, что невозможно проверить выполнение запрета на противоспутниковые вооружения. Решить эту проблему можно было бы с помощью мер по укреплению доверия, призванных обеспечить защиту спутников на геостационарных или на вытянутых эллиптических орбитах (на которых находятся ключевые средства космического базирования системы оперативного управления ядерными силами). Вашингтон и Москва также должны задаться вопросом, какие именно концепции по укреплению мер доверия им выгодно обсуждать отдельно, а какие — в составе сбалансированного пакета. Опять же, если официальные лица пока к этому не готовы, начать проработку приведенных выше вопросов могли бы аналитики из неправительственных структур.

Некоторые проблемы, которые возникнут на этом пути, вполне очевидны, другие могут оказаться непредсказуемыми. Тун Чжао и Ли Бинь подняли еще один проблемный вопрос, который зачастую упускают из виду, хотя он может оказаться достаточно серьезным: «Кто виноват?» Они отмечают, что многие китайские эксперты возлагают ответственность за появление рисков эскалации на США и поэтому считают, что именно Вашингтон должен принимать корректирующие меры. Аналогичным образом некоторые американские официальные лица утверждают, что коль скоро Китай сделал выбор в пользу использования некоторых сил и средств системы командования, управления, связи и информации для сопровождения и ядерных, и неядерных операций, то именно Пекин должен нести ответственность за последствия этого решения. Нетрудно представить, что американские и российские представители властных структур тоже перекладывают «вину» и ответственность друг на друга.

Однако в эпоху ядерных вооружений понятие вины может фигурировать только в схоластических спорах. Риски непреднамеренной эскалации разделяют все стороны, так что и ответственность за контроль этих рисков ложится на всех. Только оказавшись на грани катастрофы во время Карибского кризиса 1962 года, США и Советский Союз осознали это и начали процесс снижения рисков — пусть даже он шел неравномерно и порой останавливался. К сожалению, официальные лица Вашингтона и Москвы, похоже, забыли этот урок. В Пекине же, возможно, его и не знали — у Китая крайне ограниченный опыт участия в серьезных ядерных кризисах. Но какими бы реальными и серьезными ни были разногласия между США и Россией и между США и Китаем, три государства должны приложить максимум усилий по снижению рисков непреднамеренной эскалации, чтобы не оказаться на грани ядерной войны или даже перейти эту грань.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. По этой, а также и по другим причинам риски эскалации конфликта, связанные с использованием АНПА, представляются, по крайней мере на интуитивном уровне, гораздо более серьезными в случае американо-китайского, а не американо-российского конфликта. Российские морские ядерные силы более многочисленны, чем китайские, и покрывают акваторию двух океанов. Российские ПЛАРБ также являются менее шумными, чем китайские, к тому же загруженные морские проливы в западной части Тихого океана обычно более сложны для прохода кораблей, чем проливы Северной Атлантики. Однако необходимо провести более глубокие исследования, чтобы определить, насколько верны такие интуитивные предположения. В частности, между Белым морем (где базируется российский Северный флот) и Баренцевым морем находится очень узкий морской проход, и потенциальные операции американских АНПА в этом районе заслуживают особого внимания.

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ более 20 лет служит одним из самых авторитетных источников аналитической информации о России и странах бывшего СССР.

ПУБЛИКАЦИИ МОСКОВСКОГО ЦЕНТРА КАРНЕГИ выходят на русском и английском языках и охватывают широкий круг вопросов — от внутренней политики и тенденций развития общества до внешнеполитической повестки и проблем нераспространения ядерного оружия.

ЦЕНТР привлекает самых разных специалистов, объединенных приверженностью принципам научного подхода и объективного анализа. Наши эксперты не только превосходно разбираются в специфике местных реалий, но и видят их в глобальной перспективе.

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР был учрежден Эндрю Карнеги в 1910 году. Основная задача Фонда — содействие сотрудничеству между странами. В своей деятельности Фонд опирается на работу исследователей и специалистов из региональных центров Карнеги в Бейруте, Брюсселе, Вашингтоне, Дели, Москве и Пекине.

БЕЙРУТ БРЮССЕЛЬ ВАШИНГТОН ДЕЛИ МОСКВА ПЕКИН

**ГЛОБАЛЬНАЯ
ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ**

CarnegieEndowment.org | Carnegie.ru